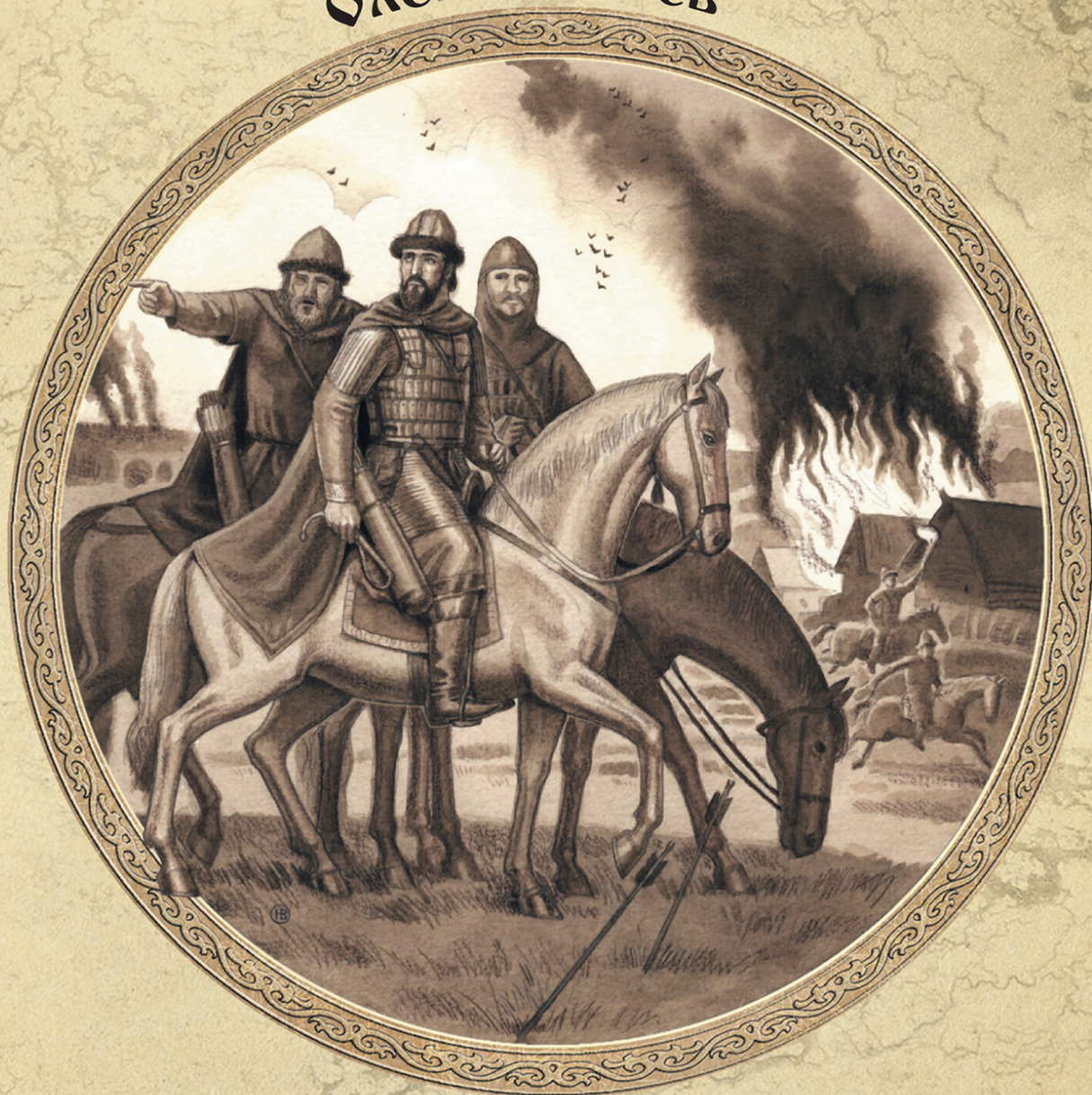

Ү истоков Рүси

ОЛЕГ ЯКОВЛЕВ

Во дни үсовиц

У истоков Руси

Олег Яковлев
Во дни усобиц

«ВЕЧЕ»

2019

Яковлев О. И.

Во дни усобиц / О. И. Яковлев — «ВЕЧЕ», 2019 — (У истоков Руси)

ISBN 978-5-4484-7941-0

Вторая половина XI века. Всеволод, сын Ярослава Мудрого, добился желанной цели – занял престол киевский, но это не приносит ему счастья. Зло порождает зло, поэтому Всеволод ради укрепления власти вынужден множить свои грехи, которых и так немало. Жертвами новых козней Всеволода опять становятся его родичи. Хорошо хоть, что сын Всеволода, черниговский князь Владимир Мономах, пошёл не в отца. Он живёт честно, сторонится интриг, своим примером доказывая, что даже без них правителю сопутствует удача, если он мудр и хорошо умеет водить полки. Дай бог, чтобы туча, которая сгущается над головой Всеволода, не накрыла и его сына... Книга «Во дни усобиц» является продолжением романа «Всея землёй володеть», ранее опубликованного в этой же серии.

ISBN 978-5-4484-7941-0

© Яковлев О. И., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Вступление	6
Глава 1. В половецком плену	7
Глава 2. По понту Эвксинскому	13
Глава 3. Бегство из рабства	14
Глава 4. Староста Акиндин	18
Глава 5. Глас дьявола	20
Глава 6. Путь инока	23
Глава 7. Жаркие споры	26
Глава 8. Королевич Магнус	30
Глава 9. Страхи и молитвы Всеволода	33
Глава 10. Купля-продажа	35
Глава 11. Одна семья	37
Глава 12. Тяготы власти	39
Глава 13. В дальней дороге	42
Глава 14. Милана-Гликерия	44
Глава 15. Новые заботы Мономаха	47
Глава 16. Ударом на удар	49
Глава 17. Красавица Сельга	50
Глава 18. Расплата за глупость	55
Глава 19. Сардониксовый орёл	58
Глава 20. Свеи под Ладогой	61
Глава 21. Мрачные думы	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Олег Яковлев

Во дни усобиц

© Яковлев О.И., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Вступление

На исходе лета 1078 года от Рождества Христова, в августе, когда вызревали на полях тучные хлеба, а на степных просторах серебрились под порывами горячего ветра волны седого ковыля, хлынули на Русское Поднепровье, словно бурлящий бешеный поток, свирепые и безжалостные половецкие орды. Пылали дома, чёрный дым стлался над землёю, зарево пожаров кольцами окутывало пограничные городки и заставы.

Черниговский князь Всеволод, сын Ярослава, выступил было против степняков во главе малой, наспех собранной дружины, но был разбит в короткой яростной схватке на реке Оржице и ушёл с остатками своего воинства в Киев просить подкрепления и защиты у старшего брата – великого князя Изяслава.

Половцы¹, наведённые на Русь князем-крамольником Олегом, безнаказанно жгли, убивали, грабили, захватывали и уводили в плен сотни людей – мирных землепашцев, ремесленников, торговцев. По пыльным степным шляхам потянулись длинные вереницы полоняников, израненных и избитых. Горестный стон стоял над Русью, не было людям спасения от лютой беды. Погибали, навсегда истаивали, исчезали посреди бескрайних ковыльных просторов целые семьи, стирались с лица земли деревни и сёла, одно хищное воронье кружило там, где вчера ещё кипела жизнь. Огонь пожирал созревшие хлеба, диким смерчем носилась по полям половецкая конница, вытаптывая посевы; всюду царили разрушения, смерть, несчастья.

С горечью писал об этих днях летописец: «Города опустели, в сёлах пылают церкви, дома, житницы и гумны... Не видим на лугах своих ни стад, ни коней; нивы заросли травой, и лишь дикие звери обитают там, где прежде жили христиане!»

¹ Половцы – союз тюркоязычных племён, в XI–XIII веках занимали степи от Нижнего Дуная до Иртыша. Совершали опустошительные набеги на русские земли. Племена половцев возглавляли ханы.

Глава 1. В половецком плену

С громким скрежетом катились по степи вереницы телег с высокими войлочными юртами и разноцветными шёлковыми шатрами. Надрывно, будто стаи перепуганных северных лебедей-кликунов, скрипели несмазанные колёса, грубо сколоченные из досок, без спиц, с деревянными осями. Половецкие воины в лисьих шапках и аварских шеломах², в калантырях³ и кольчужных юшманах⁴, кто верхом, кто на телегах, изредка подгоняя нагайками низкорослых мохноногих лошадок, держали путь через покрытое сухим ковылём поле. Между двумя рядами телег понуро брели, шатаясь от усталости, измождённые худые полоняники. В убогих рубищах, рваных лохмотьях, босые, шли они, раня ноги об острые камни и колючки. Нещадно палило жаркое степное солнце, по впалым почерневшим щекам градом катился пот. Стоило кому-нибудь остановиться, отстать, как налетали на него, галдя и выкрикивая ругательства, стражи с плетями, яростно хлестали, гнали вперёд, а тех, кто не мог уже идти и падал наземь, безжалостно, до смерти избивали. За караваном, почти не таясь, бежали, выбираясь из оврагов, голодные степные волки, летели жирные откормленные хищные птицы – чуяли они запах крови и предвкушали лёгкую добычу.

Полоняники брели молча, безнадёжно покоровившись судьбе. Много дней уже гонят их по степи, жжёт их беспощадное солнце, полосуют их спины плети стражей.

Вечерами степняки останавливались на привалы на берегах сильно обмелевших рек, пленных кормили, давали даже иной раз варёную конину – половцы рассчитывали выгодно продать их на невольничьих рынках Каффы⁵ и Судака.

На ночь их связывали друг с другом в длинные цепи арканами и верёвками, чтобы не могли убежать, а для охраны лагеря наряжали конные сторожи. С копьями в руках и тулами⁶ за плечами, при тусклом свете далёких звёзд объезжали окрестности стана суровые всадники, отбрасывая тёмные тени на освещённые кострами склоны курганов.

...Впереди отряда на быстрых аргамаках⁷ рысили два знатных половца в длинных суконных кафтанах. Старший, невысокий козлобородый старик, щурил плохо видевшие гноящиеся глаза. От тела его исходил смрад, время от времени он просовывал руку за пазуху и чесался – почти все степняки страдали чесоткой.

Его спутник, ещё молодой, тонкостванный воин с орлиным лицом, изрезанным глубокими рубцами от сабельных ударов, держался спокойно и гордо, внимательно, но вместе с тем с заметным пренебрежением слушая слова старика.

– Хороший полон, большой полон, солтан⁸ Арсланапа! – говорил на ломаном русском языке старший. – В Кырым пойдём, продавать будем. Шёлк будет, парча, золото!

Молодой чуть заметно кивнул.

– Ты великий батыр, смелый воин, Арсланапа! Будет осень, снова пойдём в Рус. Каназ Олыг обещал добыча... Большой добыча, – продолжал старик.

– Э, Сакзя! – усмехнулся, неприятно скривив перерезанную шрамом губу, Арсланапа. – Сегодня каназ Олыг – враг каназа Всеволода, завтра – друг. Не верь его словам и клятвам.

² Аварский шелом – тип защитного шлема. Имел лубяную основу, скреплённую металлическими пластинами.

³ Калантырь (калантарь, колонтарь) – защитный панцирь без рукавов, из металлических пластин, скреплённых кольчужным плетением. Состоял из двух половин и застёгивался с боков и на плечах.

⁴ Юшман – панцирь с кольчужными рукавами.

⁵ Каффа – город на юго-восточном берегу Крыма, современная Феодосия.

⁶ Тул – колчан со стрелами.

⁷ Аргамак – старинное название породистых скаковых лошадей.

⁸ Солтан – у половцев глава орды.

Лучше заботься о том, что имеешь, о полоне. Видишь того уруса? – Арсланапа обернулся и указал нагайкой на широкоплечего рослого пленника в порванной на плече белой рубаше и с окровавленной повязкой на голове.

– Это хороший ратник, воин каназа Всеволода. Не знаю, как с ним быть: отпустить за выкуп или продать купцу в Каффе.

– Купец, продай купец, Арсланапа! Избавься от него. Отпустишь, он придёт, возьмёт снова меч, пойдёт убивать! Меня убивать, тебя убивать, всех кипчаков⁹ убивать!

– Что слышу я?! Ты боишься?! – брезгливо поморщился Арсланапа. – Ты всегда был трус, Сакзя! Чем напугал тебя этот урус?! Хочешь, я отрублю ему голову?! У меня острая сабля! – Он потянулся к отливающей бирюзой рукоятке сабли в дорогах, обшитых сафьяном ножнах.

– Нет, нет, солтан! – отчаянно замахал руками старик. – Сакзя не боится! Сакзя другое говорит! Продай, продай купец Каффа! Шёлк подаришь любимая жена! Выкуп – нет! Выкуп – не нада! Продай нада!

– Боишься, Сакзя! Твой улус ближе всех к землям урусов. А урус – не простой воин. Вернётся – станет мстить за свой позор. Его отец – боярин? Говори!

– Не знай. Моя не знай. Моя думай – так.

Они замолчали. Арсланапа подхлестнул коня, отъехал в сторону и криком поторопил своих людей.

Вечерело. Справа ярким багрянцем разливалась заря, словно кровью окрашивая воду в узенькой речонке, поросшей по берегам густым камышом и осокой.

Днём стояла невыносимая жара, а теперь подул с реки холодный ветер, и пленников, кутававшихся в убогие лохмотья, мучил озноб.

Караван остановился. Их согнали в кучу возле крытых бычьими шкурами телег, велели сесть на землю, приставили охранников с копьями. Задымили кизячные костры, в больших казанах готовился плов, ноздри щекотал аромат жареного мяса. Молодой пленник с кровавой повязкой на лбу устало прилёг на траву, устремив взор на темнеющее небо. Невидимая в сумерках слеза медленно покатила по его щеке.

Глупо, нелепо получилось всё. Лучше б сложить голову в жаркой сече там, на Оржице. Одно за другим вспыхивали в памяти события, недавние и давно прошедшие. Вот родное село, свежее летнее утро, крики, отец с разрубленным черепом в луже крови; он, маленький, в белой посконной рубаше, босой, бежит от страшного половца. Вот падает сзади пылающая церковенка, он спотыкается, снова бежит, а в ушах всё звенят, как эхо, отцовы слова: «Талец, беги!»

Вот он в Чернигове, вот лицо дяди Яровита, его добродушная улыбка. Вот дядя едет посадником¹⁰ в далёкий Новгород, даёт ему наказания, наставляет; вот иконописное лицо прекрасной Миланы – увы, навсегда потерянной для него, Тальца. Душу охватывает жгучая обида, боль, он тяжело вздыхает, удивляясь сам себе: даже сейчас, посреди степи, в плену, думает он о неразделённой своей любви, о красной деве, отдавшей сердце другому.

– На, урус, поешь. Завтра дорога, долгий дорога. – Солтанский слуга в войлочном халате отвлёк Тальца от дум и протянул ему кусок жареного мяса.

Только сейчас Талец почувствовал голод. Он жадно жевал жёсткую конину, пахнущую дымом костра. Рядом прохаживался страж с длинным копьём, пламя бросало отблески на его бесстрастное жёлтое лицо.

Талец поел и снова лёг. Снова покатались, как волны ковыля по степи, воспоминания. Вот он в княжеской дружине рубится под Сновском, рядом – старший друг и побратим Хомуня, княжеский сакмагон¹¹. Как славно порубали они тогда половецкую орду!

⁹ Кипчаки – самоназвание половцев.

¹⁰ Посадник – наместник.

¹¹ Сакмагон – пеший лазутчик.

Но вот опять налетели на Русь хищные коршуны, навёл их обретавшийся в приморской Тмутаракани князь Олег, снова кипит яростная сеча, сверкают под золотыми лучами солнца сабли, гремят трубы, ржут кони, развеваются на ветру хоругви и бунчуки¹². Хомуня падает под копыта, зарубленный страшным Арсланапой, покрывают берег Оржицы трупы, где-то громовым басом отдаёт приказания злочестивый Олег. Потом всё исчезло, померкло, подёрнулось пеленой тумана, только жёлтая степная трава мелькнула совсем близко перед глазами.

После была тьма, а за ней – и невыносимый скрип телег, и щёлканье плетей, и горькое осознание тягостности своего положения, и боль в раненой голове, острая, жгучая, и ненависть к степнякам, тоже жгучая, разливающаяся по телу, заставляющая с какой-то яростью идти под ударами нагаек в неведомую даль, стиснув от злости зубы.

«Выживу всем вам назло, поганые! Вырвусь из полона, поквитаюсь с тобою, Арсланапа!» – Эта мысль поддерживала его силы.

– Крепок урус! – говорили о нём половцы, уважительно качая головами.

... Утром грубый пинок прервал его глубокий сон.

– Встать! Всем встать! – Ходили по спинам невольников нагайки. Снова ждал их путь по степи под безжалостным солнцем.

Сколько дней они шли, Талец уже и не помнил – сбился со счёта. Вокруг была всё та же однообразная степь с высокими курганами, горячим, обжигающим лицо ветром, шарами перекати-поля, терпким запахом полыни и стаями галок и жаворонков в синем небе.

Наконец вдали показался морской берег. Половцы придержали коней, загалдели, несколько всадников вырвались вперёд.

– Меотийское болото¹³, – тихо сказал один из пленников, седой монах в выгоревших на солнце лоскутьях рясы. – Там, – указал он рукой вправо, – Крым. Туда нас погонят.

Теперь половцы не спешили. Медленно, неторопливо вышагивали по степи их кони. По приказу Арсланапы часть возов с большой охраной повернула на восток к становищам – вослед им долго клубилась пыль, застилая глаза.

Через болотистый пролив пленников вывели на длинную песчаную косу, слева и справа от которой весело плескали морские волны.

Седой монах, шедший с Тальцем в одном ряду, рассказывал:

– Русичи прозвали се море Сурожским, греки же рекут: не море оно, но езеро. И воистину тако. Бо токмо проливом узким выходит оно к Чермному морю¹⁴ – Понту по-гречески. Камышом поросли брега его, водится в них дичь разноличная. Греки зовут Сурожское море Меотийским болотом. Сказывают, жило тут в стародавние времена некое племя – меоты...

– Заткнись, старик! – мрачно перебил монаха другой полоняник. – Нашёл тож часец! Не до твоих учёных сказов ноне!

За косой снова потянулись степи. Над жухлой травой взмывали перепуганные дрофы, в стороне мелькали небольшие разъезды и становища. Шли, с частыми привалами, ещё два дня. На привалах половцы упивались кумысом, от них разило перегаром, многие качались в сёдлах, и только грозные окрики Арсланапы заставляли их подгонять коней и понукать оборванных пленников.

На исходе второго дня впереди блеснули скалы, окружённые густым кольцом садов и виноградниками. Прямо по скалам ползла вверх зубчатая корона каменных стен. У окоёма в закатных лучах золотилось море.

– Каффа! Каффа! – обрадованно загалдели степняки.

¹² Бунчук – древко с привязанным хвостом коня, знак власти.

¹³ Меотийское болото – Азовское море.

¹⁴ Чермное море – Чёрное море.

Они расставили близ садов походные вежи, согнали, как и раньше, пленников в одно место, долго и обстоятельно осматривали их, пересчитывали.

Тальцу содрали с головы повязку. Сам Арсланапа спешился и осмотрел его рану.

– Карош батыр! Могут батыр, храбр батыр! – говорил он, скаля в хищной улыбке жёлтые острые зубы.

Талец не выдержал и плюнул ему в лицо.

– Будь ты проклят, сыроядец!

Солтан затопал ногами, закричал что-то дико и яростно на своём языке, в бешенстве схватился за саблю и вырвал её из ножен.

– Убью! Убью! – орал он, вне себя от лютой злобы.

Старик Сакзя, в стёганом войлочном халате зеленоватого цвета, подбежав, ухватил его за руку.

– Оставь! Не нада! Продать нада! Купец нада!

– Он оскорбил меня! Я убью эту собаку!

– Ай-ай, нехорос урус! – качал головой Сакзя, укоризненно взирая на Тальца гноящимися, обезображенными трахомой глазами. – Зачем так? Плёхо так. Сегодня – я тебя полон бери, завтра – ты меня полон бери. Зачем сердиться?

– Степной пёс! – сквозь зубы процедил Талец. Арсланапа нехотя вложил саблю в ножны. Воистину, Сакзя прав. Не к чему убивать этого упрямого гордеца. Лучше продать его, как дорогой товар, заморскому купцу. Вон какие у уруса широкие плечи, мускулистые руки, он статен и силён. А хороший работник всегда и везде нужен.

Тальца скрутили крепкими ремнями и бросили на землю возле вежи. Дующий с моря свежий ветерок приятно ласкал его измождённое лицо и трепал нечёсанные тёмно-русые волосы. Им овладели горькая тоска и отчаяние, хотелось порвать проклятые ремни, освободиться и бежать. Но его охраняли два бдительных стража с острыми копьями. Да и куда убежишь: всюду на сотни вёрст – чужие люди, чужая земля, чужие законы.

Утром они вошли в город. Тучный фрязин¹⁵ в коротком платье и разноцветных портах принял из рук Арсланапы и Сакзи пошлину – несколько бобровых и лисьих шкурок – и пропустил их за ворота. Талец впервые очутился в крымском городе и с любопытством смотрел на узкие кривые улочки, богатые дома, огороженные каменными стенами, хижины бедноты – утлые мазанки и землянки. Редко встречались и дощатые невзрачные строения.

На пристани Каффы в бухте стояли корабли с высокими резными носами. На ветру колыхались разноцветные хоругви и паруса, на скамьях сидели скованные цепями смуглые кандальники-гребцы, меж ними сновали надсмотрщики, кормщики, на длинных мачтах висели корзины. Талец слышал про них, знал, что в таких корзинах сидят сторожевые корабельщики, следящие с высоты, чтобы корабль не налетел на скалу или не сел на мель. Сердце молодца сжималось от тоски при виде гребцов, ему невольно думалось: неужели и его ждёт такая участь?! Ох, горе горькое!

«Ничего, выберусь как ни то!¹⁶ – постарался Талец ободрить сам себя. – Ещё сойду в поле с сим лютым ворогом, с Арсланапою, отплачу ему за Хомуню, за иных ратников, за людей русских, в полоне погнувших! Руци есть, нози есть, не пропаду, чай!»

В стороне на берегу шумело торжище, раздавались зазывные голоса купцов, пестрели шелка, ревели верблюды.

Пленников, подгоняя плетью, ввели в большой глинобитный сарай, грязный, как свиной хлев, велели сесть на крытый соломой земляной пол и заперли на крепкие засовы. За две-

¹⁵ Фрязин (*др.-рус.*) – итальянец.

¹⁶ Как ни то (*др.-рус.*) – как-нибудь.

рями слышались пьяные крики стражей, скрипели телеги, ржали кони – там кипела будничная суматошная жизнь.

В сарае скоротали ночь. Старик-монах, тяжело, с надрывом дыша, лёг возле Тальца. Худые плечи его судорожно вздымались, он шептал слабым прерывающимся голосом:

– Чую, отхожу... Дышать нечем... Поутру выкинут... Меня в море... С башни... Ох, Господь милосерд!.. Ты, хлопче, откуда?.. Из какой веси?.. Как в полон попал?

– На Оржице мя порубали поганые, – отозвался Талец. – В дружине я у князя Всеволода служил.

– А я вот... инок... со Лытеца¹⁷... На дороге в Переяславль... Пымали меня... То за грехи... За грехи наши!

Монах замолк, переводя дух, затем с усилием продолжил:

– Не жаль... Смерть дак смерть... Стар, прожил своё... Богатства не имел... Молил Бога за грехи наши... Грешен был сам... Покарал Всевышний...

В горле у старика заклокотало, он поперхнулся и затих.

– Эй, старче! Что с тобой? – Талец приподнял монаха за плечи.

– Отхожу я, – прошептал старик. Голова его безжизненно поникла.

В глазах Тальца стояли горькие слёзы. Он осторожно положил тело монаха на солому, перекрестился и горестно вздохнул.

Вот ещё одна смерть. Отлетела на небо чистая иноческая душа, безропотно вынес седой монашек все тяготы пути, не стонал, не ныл, нёс свой крест с достоинством, сохранил себя до последних мгновений человеком, не обратился в бессловесную тупую животину. Вот пример ему, Тальцу, добрый пример.

Утром распахнулась широкая дверь. На пороге возник Арсланапа с плетью в руках; со злобой, скривив рот, глянул на труп монаха.

– Уберите отсюда эту падаль! – крикнул он, пнув сапогом голову умершего.

И опять овладел Тальцем кипучий гнев, сам не помнил он, как оказался возле солтана и что было силы саданул его по хищной злобной роже. Арсланапа полетел наземь, кровь заливала ему рот, он хрипел, харкал кровавой слюной, выплюнул два острых жёлтых зуба.

– Бить его! Плетями! Шакал! Собачье дерьмо! Грязная свинья! – орал солтан, захлёбываясь от душившей его тяжкой ненависти.

Рослые нукеры набросились на Тальца, повязали его ремнями, швырнули на колючую солому, стали бить кнутами. Стиснув зубы, с трудом переносил измождённый молодец боль. Сколько ударов приняла его спина, не помнил, память застлал тяжёлый туман. Бессильно уронив голову, он потерял сознание.

Очнулся Талец лёжа на песке, над ним склонилась досиня бритая продолговатая голова. Кустобородое узкоглазое лицо озарялось хитровой насмешливой улыбкой. В руке половца блеснул медный кувшин с водой.

– Карош урус, крепкий урус. Продавать будем, купец брать будет, – предвкушая удачный торг, говорил половец. Он лукаво щурился и аж причмокивал губами от удовольствия. Ещё бы ему не радоваться: за верную службу непременно перепадёт ему от солтана серебряная монета или шматок дорогой материи.

«Будь ты проклят, лысая тварь!» – с презрением подумал Талец.

Его подняли; подталкивая в спину, повели на площадь. Только сейчас увидел Талец на ногах у себя ржавые цепи.

«Окандалили, окаянные!» – скрипнул он зубами.

¹⁷ Лытец (Альта) река в окрестностях Переяславля Южного, левый приток Трубежа.

Пленника грубо швырнули под навес. Явилась худая сгорбленная старуха, шамкая беззубым ртом, стала бормотать какие-то малопонятные заклинания, смазывала ему дурно пахнущей мазью раны от побоев на спине, цокала языком.

...Три дня провёл Талец под навесом, охраняемый двумя половцами. Его скудно кормили остатками рыбы, давали воду и чёрствые пресные лепёшки. На четвёртый день прискакал Арсланапа в пыльной продымлённой овчине. На поясе солтана висела длинная кривая сабля в обшитых сафьяном ножнах, в деснице он сжимал нагайку, рукоять которой украшала серебряная оправа с яшмой.

– Купец пришёл. Товар посмотреть будет.

С ног Тальца сбили оковы, его выволокли за обитые железом ворота. Здесь, на широкой площади, продавали в рабство невольников, в грязные руки половцев сыпались золотые и серебряные монеты, полыхал серский¹⁸ шёлк, пестрела зендянь¹⁹, цветастые платы, стоял шум, ругань.

К Тальцу подошёл приземистый толстый грек в длинной голубой хламиде, долго и обстоятельно осматривал его, щупал мускулы на руках; оттянув губу, глянул на зубы; велел пройти – не хром ли будущий раб; удовлетворённо закивал головой. Щёлкнув пальцами, грек подозвал рослого челядина с тупым бычьим лицом и приказал ему развернуть перед Арсланапой дорогую ткань. Алчный взор солтана впился в яркое рубиновое пламя аксамита²⁰. Золотые львы, птицы, грифоны²¹ колыхались перед ним. Как голодная собака, солтан облизнулся. А грек рассыпался в похвалах своему товару:

– Смотри, какая красота! Пламень этой ткани разожжёт огонь в сердце твоей возлюбленной! И за этот прекрасный аксамит разве жалко отдать раба, всего одного ничтожного раба?! Ах, какой аксамит! Он царицы достоин!

Сделка состоялась, ударили по рукам. Двое греков в чешуйчатых бронях, смуглые и бородатые, подхватили Тальца под руки и поволокли к пристани. Улучив мгновение, невольник резко обернулся и ожёг Арсланапу полным ярости взглядом. Всего на краткий миг встретились их глаза, скрестились пылающие взоры, но солтан внезапно вздрогнул, словно сама судьба, само чёрное дыхание смерти, само предвестие несчастья смотрело на него из-под насупленных бровей русса. Какое-то неясное чувство овладело Арсланапой; сейчас, в этот миг он знал точно: ещё сойдутся, пересекутся его пути-дорожки с этим гордым упрямым, ещё засвистят в поле острые сабли, много зла причинит ему этот непокорный, как дикий конь-тарпан, урус. Извечна и неистребима взаимная их ненависть.

Солтан с трудом отогнал мрачные думы. Нахмуренное чело его разгладилось, когда перебирал он перстами мягкий бархат. Какая радость ждёт его любимую хасегу!²² Она молода и гибка, как лань, податлива и ласкова, как кошка. О, как он любит её! У неё смуглая кожа, упругая грудь, тонкий стан.

Солтан сощурил глаза, предвкушая сладостное удовольствие.

¹⁸ Серский – китайский.

¹⁹ Зендянь – пёстрая хлопчатобумажная среднеазиатская материя.

²⁰ Аксамит (или гексамит) – дорогая византийская узорная ткань сложного плетения с золотой нитью, род бархата, обычно синего или фиолетового цвета, с круглыми медальонами, изображающими львов и грифонов.

²¹ Грифон – сказочное животное с головой орла или льва, крыльями орла и туловищем льва.

²² Хасега (*вост.*) – наложница.

Глава 2. По понту Эвксинскому

Высоко в синем небе развевались паруса дромона²³. Порывистый ветер гнал корабль к скалистым анатолийским берегам. Ярко светило солнце, мириады золотистых звёздочек блестя на морской, подёрнутой лёгкой рябью глади. Дружно ударяли вёсла, белые барашки брызг вздымались над водой, маленькие волны недовольно били о борт судна, с тихим всплеском бессильно разбиваясь о крепкое дерево.

По дну змеилась длинная цепь. Скованные ею гребцы, по двое на скамье, в такт подымали и опускали тяжёлые вёсла. Их огрубевшие руки были покрыты жёлтыми мозолями, на обросших лицах читалась тупая безнадежность, на телах виднелись рубцы от побоев. Свирепые надсмотрщики с кнутами ходили между рядами и хлестали нерадивых по обнажённым спинам.

Наверху, на широкой палубе, стоял толстый купец. Он с наслаждением поглощал кусок сладкой хорезмийской²⁴ дыни. Сок тёк по его усам, бороде, пальцам.

Удачной выдалась торговля, много дорогих мехов и рухляди везёт он в Константинополь²⁵. И ещё этот русский раб... Жаль одно: придётся платить за его провоз немалую пошлину. Много столичных мздоимцев-чиновников наживаются на этом. Но иначе нельзя – каждый хочет, как тот грязный половец, видеть в серских шелках и аксамите свою возлюбленную красавицу.

Раб заперт в трюме, его в меру кормят рыбой, дают немного хлеба и кислого вина, иногда выводят под бдительным оком на палубу. Как ребёнок, смотрит русс на стаи чаек, кружащих над водой, и с неизбывной тоской обращает взор на полночь, в темнеющую даль. Его уводят, запирают в трюме, где особенно сильно снедает тоска и надоедает бесконечная качка.

Грек швырнул в волны кожуру от дыни, слуга полил ему на руки воды, он вытер холёные пальцы чистым полотенцем и, перегнувшись через борт, глянул на гребцов. Мерзостное зловоение шло снизу, от немытых годами тел невольников. Купец брезгливо поморщился и отвернулся, дыша в щедро пропитанный благовониями шёлковый платок.

Сверху послышалась короткая отрывистая команда капитана. Надсмотрщики с удвоенным усердием захлестали кнутами. Корабль развернулся и поплыл вдоль берега, гребцы под непрерывное щёлканье бичей убыстрили ход дромона, на корзинах на мачтах зажглись смоляные факелы. В тёмную ночь уносился дромон, а в трюме, окружённый крысами, тосковал по былой вольной жизни молодой русс, с тревогой осознающий, какие напасти и беды ожидают его впереди. Он не ведал, что над ним – ночь, день, утро или вечер – в трюме всегда царил темнота, и так же сумрачно и ненастно было у него на душе. Талец терял веру в себя, в свои силы, на короткое время он забывался сном, словно уходил от мрака бытия, отодвигаясь от него, окутываясь пеленой дымки. Снились ему глубокий овраг, погружённый в молочной белизны утренний туман, капельки росы на сочной зелёной траве, алые ягодки рябины – Русь, родная земля, близкие, до боли в сердце знакомые места представляли его взору. И думалось с горечью: вернётся ли, увидит ли он их когда-нибудь? Не было на этот немой вопрос никакого ответа, лишь плеск волн слышался за дощатой стеной да раздавались наверху свистки и топот ног.

Талец беспокойно ворочался и снова погружался в забытье.

²³ Дромон – крупный византийский военный или торговый корабль.

²⁴ Хорезм – средневековое государство в Средней Азии, в нижнем течении Амударьи и Сырдарьи и на берегах Аральского моря.

²⁵ Константинополь – столица Византийской империи, город на западном берегу Босфорского пролива, ныне – Стамбул.

Глава 3. Бегство из рабства

Толстый евнух довольно потирал руки. Как раз такого раба – молодого, стройного и красивого – велела купить ему госпожа. Ещё она повелела не скупиться, отдать торговцу на невольничьем рынке редкой красоты ожерелье и жемчужный перстень в дорогой серебряной оправе. С ожерельем пришлось расстаться, ещё отсыпать вдобавок несколько монет, а перстень евнух припрятал – решил сказать госпоже, что тоже отдал его за раба. С вожделием думал он о жемчуге, переливающимся в солнечном свете, окованном серебристыми змейками. Такого красивого камня никогда не доводилось ему доселе держать в руках. Тем приятнее будет иметь его у себя в доме.

Глупые привычки у господ! Евнух презрительно рассмеялся. Разве стоит какой-то там жалкий раб дорогого ожерелья из разноцветных камней?! Что может быть краше полыхания алмазов на шее или сверкания изумруда на пальце!

В просторном каменном доме царили тишина и покой, в воздухе ощущался терпкий запах церковного фимиама. На полу стояли большие медные чаши, через отверстия в их крышках курился голубоватый дымок. Полы украшала мозаичная роспись, в глазах рябило от сочности красок, стены покрыты были хорезмийскими коврами и парчовыми покрывалами, на столах виднелась золотая посуда, куманцы²⁶, старинные фарфоровые амфоры, с потолка свисали хоросы²⁷ со множеством сияющих свечей.

Очутившись после грязного трюма и пыльного торжища посреди этого великолепия, Талец невольно затаил дыхание. Ощущение было такое, будто попал он в некую сказку – вокруг сновали слуги в долгих одеждах, полуголые рабы носили кушанья, подымаясь по широкой, устланной коврами лестнице.

Евнух провёл Тальца в баню, велел вымыться и облачиться в чистый белый хитон.

– Предстанешь перед госпожой Евдокией. Постарайся понравиться ей, знай, раб, она – лоратная патрицианка. Ты понимаешь меня? – говорил евнух.

Талец кивнул. Он хорошо знал греческую мольвь, ещё в Чернигове дядя Яровит обучил его витиеватому языку Гомера и Эсхила.

– Поторопись, не заставляй госпожу ждать.

– Что я буду делать? Зачем привёл ты меня сюда? – спросил в недоумении Талец.

– Скоро узнаешь. – Евнух недобро ухмыльнулся.

После бани два чернокожих раба провели Тальца через сводчатую галерею с мраморными колоннами в просторную залу, посреди которой находился большой фонтан. Из пастей золочёных львов с негромким журчанием струилась вода. Залу обрамляли толстые колонны, оббитые плющом.

На широком ложе у фонтана покоилась средних лет женщина в зелёном одеянии из тяжёлой парчи. Голову её покрывал шёлковый плат огненно-чёрного цвета, в ушах блестели звездчатые рубиновые серьги, руки унизаны были золотыми перстнями и браслетами. Миловидное круглое лицо её с чувственными алыми губами и зелёными, под цвет парчи, глазами расплылось в довольной улыбке.

«Верно, се и есть Евдокия», – успел подумать Талец.

Матрона поманила его к себе пальчиком с розовым ноготком.

– Как тебя зовут, юноша? – раздался нежный бархатистый голосок.

– Дмитрий. Так крестили. На Руси звали Тальцем.

²⁶ Куманец – узкогорлый кувшин восточной работы.

²⁷ Хорос – люстра.

– На Руси? Ты русс? – Точёный носик Евдокии наморщился. – Но ты не похож на русса. Говорят, все руссы грубы, дики. А ты хорошо говоришь на нашем языке и совсем не напоминаешь варвара.

– Мой дядя – боярин. Выучил меня вашей молви.

– Ах, так. Подойди ко мне. Ну, ближе, ближе, не бойся ты. – Женщина усмехнулась. – Сядь рядом, на ложе. Вот так. Ты смел, могуч, вон какие у тебя сильные руки, мускулы так и играют.

– Я тебе, госпожа Евдокия, не конь! Говори, что делать мне надо будет: землю пахать заставишь, в доме прислуживать понудишь?

– Фи! – сморщилась гречанка. – Землю пахать! Как грубо! Нет, сладкий мой, не землю. Ну сядь, сядь. Мне нужно твоё копьё, юноша.

– Копьё? Стражником поставишь?

Евдокия громко расхохоталась.

– Не про такое копьё говорю. До чего ты простодушен!

Её изящная рука проскользнула под белый хитон Тальца, острые ногти нежно пощекотали ему спину, гречанка придвинулась к нему, он ощутил исходящий от неё аромат духов.

– У тебя рубцы на спине. Тебя били?

– Били.

– Ты мужественно переносил боль. Бедный, ты так страдал! – Ногти гречанки по-прежнему щекотали его, её рука огладила ему живот, соскользнула ниже, Талец с возмущением вырвался и вскочил с ложа.

– Вот о каком копье шла речь, – сказала Евдокия, лукаво улыбаясь. – Понял? Ну иди ко мне, ты сильный, но дикий, как норовистый конь.

Она залилась тоненьким серебристым смехом.

– Блудница ты поганая! – гневно воскликнул Талец.

Он презрительно плюнул в сторону гречанки.

– Что?! Как ты смеешь! – взвизгнула в ярости матрона.

Шурша парчой, она поднялась с ложа, алые уста её скривились от злости, в зелёных глазах вспыхнул огонь.

– Раб, жалкий раб! Я что хочу сделаю с тобой! Пошлю на каменоломни, брошу в темницу, велю отрубить голову! Вот как благодаришь ты за ласку! Я вытащила тебя с рынка невольников! Вырвала из когтей злого купца, а ты! Так ты отвечаешь на оказанную услугу, на добро?! Ничего, посидишь на хлебе и воде, по-другому заговоришь! – Евдокия нервно рассмеялась и позвонила в серебряный колокольчик.

На её зов явились два темнокожих полуголых раба и уже знакомый Тальцу евнух.

– Василий! В темницу его! Приковать к стене! – грозно повелела гречанка. – Если не покоришься мне, – добавила она, обращаясь к Тальцу, – сделаю тебя евнухом! Таким вот, как он.

Она с раздражением махнула рукой.

Талец не сопротивлялся, это было бессмысленно и глупо. Молча спустился он, подталкиваемый рабами, по сырой каменной лестнице в тёмный подпол, его ввели в мрачное, пропитанное зловонием помещение. Евнух надел на шею молодца стальное кольцо и примкнул его к короткой, вмурованной в стену цепи.

– Глупый ты человек, русс, – говорил, глумливо ухмыляясь, евнух. – Госпожа была так добра к тебе.

– Доброта её хуже неволи, хуже плети половецкой! – процедил сквозь зубы Талец.

– Тогда сиди на цепи! Сиди, если тут тебе лучше! – Евнух злобно осклабился. – Дурак! Как цепной пёс будешь теперь!

Он пнул пленника ногой в сафьяновой туфле с загнутым кверху носком.

Со скрипом закрылась над головой Тальца железная решётка, щёлкнул замок. Узкая камора погрузилась в темноту. Сверху через забранное толстыми прутьями оконце проникал слабый солнечный свет, Талец видел осколок голубого неба с россыпью маленьких облачков.

Опять овладело им чувство безысходности и отчаяния. Ни лечь, ни встать он не мог – впивалось в шею проклятое ржавое кольцо.

Пересиливая себя, Талец отогнал прочь чёрные мысли. Нет, нельзя предаваться отчаянию, надо думать, как вырваться из этой зловонной противной клетки.

Только пустив в ход обман и притворство, уподобившись лукавым грекам, мог он теперь надеяться воротить свободу.

«Обману ты, ведьма проклятая! Греховодница скверная! – с ненавистью подумал он о Евдокии. – Тож, отыскала утеху. Хуже бабы дорожной какой! Сучка гулящая!»

Мало-помалу пленник успокоился. Хихикающий евнух швырнул ему через решётку чёрствый сухарь и сосуд с водой. Талец поел, аккуратно собрал в ладонь все крошки, неторопливо запил сухарь тёплой, неприятно пахнущей водой. Усталость смежила ему веки, он прилонился спиной к холодной стене, вытянул ноги и погрузился в тяжёлый сон.

Разбудил Тальца шум наверху. За решёткой показалось лицо Евдокии.

– Что, подлый раб, упорствуешь?! – крикнула она возмущённо.

– Помилосердствуй, госпожа, выпусти! – взмолился Талец. – Изголодался, сил нет никаких. После, что хочешь, для тебя сделаю.

– Вот как заговорил! – злорадно засмеялась Евдокия. – Эй, Василий! – крикнула она евнуху. – Выпусти раба из темницы, веди на кухню, прикажи от моего имени накормить. Потом доставишь его ко мне. И поживей!

«Ишь, стерва, не терпится!» – Талец с трудом скрывал наполняющую душу ненависть и через силу слабо улыбался.

До слуха его донеслось шуршание парчи и удаляющаяся лёгкая поступь. Вскоре появился евнух со связкой ключей. Он был один, без чёрных рабов.

«Ну, кажись, удача. Господи, спаси!» – подняв глаза к потолку, Талец набожно перекрестился.

– Что, не засиделся в темнице? – хихикал, брызгая слюной, евнух. – Предпочёл сладкую встречу с госпожой? Нехорошо быть таким упрямым.

Он снял с шеи Тальца кольцо. И как только почувствовал свободу, резко схватил он толстого насмешника за влажную холёную руку, вырвал связку ключей и со всей силы треснул его ею по голове. Евнух охнул, обмяк и, обливаясь кровью, осел на каменный пол.

Талец, закрыв сверху решётку, стремглав ринулся по лестнице, юркнул в тёмный переход, по знакомому пути осторожно пробрался к галерее с колоннами. Слева мелькнул выход. Там, за окнами, в вечерних сумерках поджидала, манила его к себе свобода! Будь что будет!

Талец выскочил через дверь к мраморному портику, свернул в гущу зелёного благоухающего сада, постоял немного под высоким кипарисом, беспокойно прислушиваясь, затем решительно полез на кирпичную ограду. Обдирая в кровь ладони и локти, он с трудом поднялся на стену.

Внизу, под ним, лежала узкая улица, рядом виднелся полукруглый купол маленькой церковенки, вдали ярко горели окна Палатия – дворца ромейского²⁸ императора.

«В ту сторону идти нать, – сообразил Талец. – Тамо – бухта Золотой Рог, пристань. Где ни то да упрячусь. Может, своих сыщу».

Он осторожно спрыгнул на землю и, отряхнувшись, бросился в тёмный переулок.

За спиной послышались лай собак и крики. Он узнал пронзительный голос Евдокии.

²⁸ Ромейский – византийский. Византийцы называли себя ромеями (то есть гражданами мира), а свою страну – Империей ромеев.

«Хватились. Бежать нать!» – Талец рванул вперёд что было сил.

Ночная мгла окутала Константинополь, стих вдали шум. С бьющимся в волнении сердцем бежал Талец по неприветливому чужому городу, петляя по узеньким грязным и кривым улочкам, оборачиваясь и с тревогой всматриваясь в темноту. Засверкали вдали огоньки факелов – это ночная стража охраняла покой горожан.

Слава Богу, он вовремя укрылся в сводчатой каменной нише у фасада одного из домов, и его не заметило бдительное око стражника.

По правую руку показалась зубчатая крепостная башня. В тусклом свете месяца взору открылась высокая массивная стена, раздались голоса воинов. Талец насторожился. Страх сковал его движения, подумалось: как глупо выйдет, если сейчас он попадётся в руки стражи! Не помня себя, он перемахнул через ограду какого-то густо заросшего лавром и магнолией сада и спрятался под раскидистыми ветвями.

«Пересижу тут, схоронюсь до утра. Поутру спрошу, как добраться до предместья святого Маммы. Тамо свои, русские купцы торг ведут. Куда ни то пристроят, чай, не выдадут», – решил Талец, устало опустившись на землю.

Он напряжённо прислушался. Ничего, тихо, ни голоса посреди ночной тиши, ни собачьего лая. Только жужжат цикады да сверкают в траве под деревьями неугомонные светлячки.

Талец взглянул на небо. До рассвета ещё долго, придётся ждать. На зубчатую башню узкой полоской падал мерцающий свет месяца, серебрились, ласково шурша, листья в саду; слабый ветерок обдувал разгорячённое лицо.

Только теперь дошло до сознания: он вырвался, он обрёл свободу, он больше не раб, не невольник!

По измождённому лицу проскользнула лёгкая вымученная улыбка.

Глава 4. Староста Акиндин

Чернобородый купеческий староста Акиндин с удивлением и неприязнью разглядывал оборванного обросшего высокого человека, которого привёл к нему привратник монастыря Святого Маммы.

Понемногу он начинал соображать: верно, как раз об этом человеке и кричал сегодня на площади глашатай. У Евдокии, императорской любовницы, бежал из темницы раб-русс, кандалник. За его поимку и выдачу обещана была награда в сто золотых денариев.

Уже тогда, на торгу на улице Меса, Акиндин изумился дерзости беглеца: неужто думает, что не догонят его и не выдадут?! И это в Царьграде²⁹, среди вероломных и сребролюбивых греков?! И вот раб-русс тут, сумел добраться до дальнего предместья! Воистину, только дерзкому и смелому могло так повезти!

Акиндин вёл в Константинополе большой торг, имел лавки, наполненные драгоценной пушниной, жёлтым ядрёным воском, льном, сукном, рыбой. Его приказчики и лавочники-сидельцы скупали в городе шёлк, парчу, паволоки, серебряную рухлядь. На широкую ногу поставил купчина дело, каждую весну на Русь, в земли волохов, угров, в Болгарию уходили караваны судов. В Киеве, Чернигове, Новгороде, Переяславце-на-Дунае, Пеште, Регенсбурге имел Акиндин свои конторы. Богател купеческий староста, с радостью видел он, как расцветает торговля, как велика прибыль. С годами он всё больше отходил от дел, всё чаще поручал заключение выгодных сделок сыновьям и помощникам, тянуло его на покой. В безмятежности, в холе в огромном, выстроенном по старинному русскому образцу доме с хоровами гульбищ³⁰ и покатыми крышами, с крутыми винтовыми лестницами и муравлеными³¹ печами проводил Акиндин долгие дни, недели, месяцы.

Первым побуждением его было тотчас кликнуть стражу и послать доложить епарху³² о поимке беглеца. Он уже протянул руку к серебряному колокольчику, но что-то вдруг остановило многоопытного старосту. Он ещё раз смерил оборванца презрительным взглядом и спросил:

– Кто ты? Думаешь, укрыть тут обретёшь?

– Не думаю. Что, выдашь? Продашь? Сто златых денариев за племянника посадника новгородского? – Лицо беглеца исказила недобрая ухмылка.

– Что?! Какого племянника?! – Акиндин аж вскочил с обитого синей парчой кресла. – Что плетёшь такое?! Самозванец!

– Почто мне врать? Тако и есть. Яровит, дядька мой, посадник ныне. Коль сведает, что ты меня грекам продал в рабы, не простит. Чай, в Новом городе тож немало лавок и товару имеешь? И в Чернигове, верно, такожде.

Незнакомец говорил спокойно, со знанием дела. Акиндин помрачнел, насупился, буркнул:

– Чего хошь от меня?

– Хошу на корабле твоём в Русь воротиться. Помози, купец, внакладе не останешься.

Акиндин задумался, теребя перстами долгую бороду.

– В Русь ныне не воротись. Рати тамо, набегии поганых. Да и в Днепровской луке непокойно. Может, тебя кто из вельмож греческих знает?

²⁹ Царьград – русское название Константинополя.

³⁰ Гульбище – в древнерусской архитектуре открытая галерея с колоннами.

³¹ Муравленный – изукрашенный травами, покрытый изразцами.

³² Эпарх – в Византии гражданский и военный руководитель провинции (епархии).

– Протоспафарий³³ Татикий, патриций³⁴ Кевкамен Катаклон. В Чернигове у дяди не один раз они бывали. Слышал про таких?

– Как же. Частые гости у святого Маммы. Татикий теперь главный примикарий³⁵ у нового базилевса. Важный сановник. Видно, в самом деле ты родич Яровиту. Как же в рабы тогда ты попал? – Купчина в недоумении развёл руками.

– Был я в дружине у князя Всеволода. К половцам в полон угодил. В сече на Оржице порубали мя, поранили, скрутили, ироды. В Каффе купцу-ромею продали. А купец – сучке сей...

– Тихо, тихо. О Евдокии так не мочно³⁶. Базилевс³⁷ Никифор от неё без ума. Чую правду в словах твоих, добр молодец. Да, как зваться прикажешь?

– Дмитр, иль Талец. Тако на Руси звали.

– Ну дак вот что, Талец... Хм... Талец... – Акиндин усмехнулся и снова огладил свою выющуюся чёрную бороду. – Переодеть ты нать, побрить, постричь да представить вельможе какому, из тех, кто ты знает. А чрез него и в Палатий путь сыщешь.

– Что мне в Палатии деять? – Талец недоумённо пожал плечами. – Я на Русь хочу.

– Сказал уже: на Руси смута ноне. Придётся тут покудова те пожить, переждать грозу. Да Евдокии на глаза не попасться б.

– В том ты прав, – раздумчиво промолвил Талец. – Сожидать придётся.

Он с грустью вздохнул, сознавая, как долог и далёк путь к родным местам. И неведомо, увидит ли он когда русский берег, дядьку Яровита, сможет ли отомстить проклятому Арслане за смерть побратима Хомуни и за свои мытарства и скитания.

Талец смотрел на голубой зипун³⁸ толстомордого здорового купчины и сомневался, качая всклокоченной нечёсаной головой. Он не знал, но смутно догадывался, какие тяжкие испытания готовит ему судьба.

³³ Протоспафарий – византийский придворный чин.

³⁴ Патриций – высший придворный чин в Византии.

³⁵ Примикарий – главный дворцовый чиновник, камергер.

³⁶ Мочно (*др.-рус.*) – можно.

³⁷ Базилевс – титул византийского императора.

³⁸ Зипун – верхняя мужская одежда, кафтан с длинными рукавами и роскошными книзу полами, без воротника.

Глава 5. Глас дьявола

Летний выход половцев в Русь и бой на Оржице стали началом новой междоусобной войны.

«И раздрася земля Русская», – с горечью напишет после летописец.

Крамольные дружины князей Олега Святославича и его двоюродного брата Бориса заняли Чернигов, выгнав оттуда князя Всеволода. Но недолго радовались удаче победители – уже в сентябре выступила против них объединённая огромная рать Изяслава и Всеволода Ярославичей. Изяслав вёл с собой киевскую дружину и полк, Всеволод – переяславцев. Шли в бой и вышгородцы, ведомые сыном Изяслава – молодым Петром-Ярополком; две дружины, ростово-суздальскую и смоленскую, привёл с собой сын Всеволода – князь Владимир Мономах. Битва разыгралась 3 октября 1078 года у села на Нежатиной Ниве, близ Чернигова. Целый день кипела яростная сеча, кровь лилась рекой, обагрив жухлую траву на склонах степных курганов, под напором союзных ратей гнулась, как струна, дружина извечного приятеля половцев Олега. В конце концов, не выдержав, Олег бежал с остатками своего воинства через степи в далёкую Тмутаракань, отгородившись от врага-дяди Всеволода её надёжными кирпичными стенами и заслоном из половецких орд.

На поле брани пал юный Борис Вячеславич, погиб и киевский князь Изяслав. Он был убит «неизъяснимо», ударом в спину, и с торжественностью погребён в Киеве, в церкви Богородицы Десятиной. Великий стол перешёл в руки Всеволода, Чернигов и Смоленск достались Владимиру Мономаху. Не были обойдены и сыновья погибшего Изяслава: старший, Святополк, получил дальний Новгород, младшему, Ярополку, отошла богатая плодородная Волынь. Стихла, замерла в тревожном ожидании Русская земля, лишь студёные ветры гуляли по её бескрайним просторам. Но тишина эта была обманчива – опять подымали в Тмутаракани головы неугомонный Олег и его братья.

* * *

Море с яростью швыряло о прибрежные скалы высокие валы с пенящимися гребнями. Почти до самых ног молодого князя Романа, который в глубокой задумчивости глядел вдаль, в тёмно-серую бездну, доходила вода, и солёные брызги ударяли ему в лицо. Князь, казалось, не замечал этого и с неким затаённым восторгом созерцал буйство стихии. Шквалистый ветер разметал за плечами его лёгкое, алого цвета корзно³⁹ и вздымал непокорные кудри светлых густых волос. Роман с наслаждением вдыхал полной грудью чистый прозрачный воздух и чувствовал небывалый прилив сил. В буйстве стихии было нечто привлекательное, завораживающее, отчего Роман наряду с боязнью испытывал восхищение, ему даже хотелось броситься стремглав в морскую пучину и бороться со стихией, бороться, покуда хватит сил. Или... лучше слиться с клокощущей волной, ощутить в полной мере свою силу и безнаказанность. Ни в какой узде не удержать моря.

Роман бросал в волны камни и смотрел, как они со слабым плеском врезаются в воду. Ветер крепчал и с ожесточением свистел в ушах, будто дикий степняк-половец.

– Княже! – подбежал к Роману отрок⁴⁰. – Тебя братья кличут! Ищут по всей Тмутаракани⁴¹, уж думают, не потоп ли ты!

³⁹ Корзно – княжеский плащ, богато украшенный. Был распространён на Руси до 2-й половины XIII века. Существовали лёгкие и тёплые корзна, подбитые мехом.

⁴⁰ Отрок – категория младших дружинников на Руси. Считались выше гридней.

⁴¹ Тмутаракань (хазарское название Таматарха) – город на Таманском полуострове, в X–XII веках – столица Тмутаракан-

– Сей же час иду! – Роман с раздражением отстранил отрока рукой и ещё раз окинул взглядом морской берег, усеянный мелкой галькой. Мгновение, и его захлёстывает волна, она с грохотом разбивается о скалы, и во все стороны разлетаются тысячи брызг...

Молодой князь нехотя оторвался от зрелища, устало поднялся вверх по склону холма и быстрым шагом пошёл к видневшейся вдали крепости.

Расположенная на берегу глубокого залива, обнесённая мощной стеной из кирпича, тму-тараканская твердыня, казалось, бросала вызов морским просторам, и море, словно недовольное этим, ярилось и буйствовало, стараясь поглотить в своей пучине дерзкую русскую крепость. Но только далеко внизу, у самого основания стен белели грозные барашки. Видно было, как волны в бессильной злобе разбиваются о твёрдый кирпич, оставляя на нём мокрые следы...

Князя Олег и Давид Святославичи с неудовольствием исподлобья смотрели на нехотя явившегося на их зов брата. Роман, опустив глаза в пол, молчал, нервно покусывая алые чувственные губы. Щёки его пылали.

– Что зарделся, яко красна девица?! – прищурил око Олег, худощавый, пепельноволосый, с красивыми серо-голубыми глазами. – Не тебе ль сказано было: не ходи далеко от крепости! Мало ли, люди какие лихие... Э, да что о том баить! – Он сокрушённо махнул рукой.

– Напрасно, брат, ты ослушался наших советов. Впредь будь осторожней, – тихо вымолвил старший из Святославичей, князь Давид.

Сутулый, мрачноглазый, выглядел он лет на сорок, хотя стукнуло-то ему всего двадцать восемь. В тёмно-синем длинном, до пят, платне⁴², с крестом-энколпионом⁴³ на груди и густой широкой бородой, Давид почему-то напоминал Роману иерея. Может, потому, что говорил всегда мягко, елейным голосом, будто митрополит на проповеди в киевском соборе Софии...

Роман вдруг резко вскинул голову.

– Не хошу я! Надоело слушать жалкие ваши слова! Вы страшитесь, трясётесь за свои несчастные животы, братья! А разве наш покойный отец хоть раз струсил, отступил?! Разве, когда вёл он дружину под Сновск, жалел он себя, думал, что мочно в сыру землю лечь?! А вы! Кого, чего испужались?! Всеволода? Мономаха? Святополка?! А вспомните Глеба, брата нашего, коего Святополковы псы в чуди⁴⁴ сгубили! Аль Бориса, в сече павшего! К мести души их взывают! Взирал нынче на море. Ревело оно, яко тур раненый, о брег волны бросало, и услышал я: «Отомсти!» То глас Божий был!

– Нет, брат, то глас дьявола! – Давид взволнованно схватил Романа за запястье. – Месть не есть добродетель! Да и кому же мстить и за что измыслил ты? За Глебово неразумие, за Борисово безрассудство? Не губи душу свою, Романи!

– Рази о сём речь?! – недовольно буркнул Олег. – Глеб и Борис по глупости сами ся сгубили. В ином дело: вотчина наша, Чернигов, во Всеволодовой власти ныне. Воротить отцовы земли – вот о чём думать надобно!

– Не довольно ль думать?! Не настала ль пора за мечи взяться, братья?! – снова вспылал Роман. – Хватит за сими стенами прозябать! Сговорим половцев и...

– Что «и»? – передразнил его Олег. – Сам сгинешь токмо! У Всеволода сильные рати, половцы же продажны, переменчивы, яко ветер степной! Не ходи к ним, Роман, чует сердце моё – лихо будет. Выждать надоть.

– Ждать не буду, сил нет! Хватит, дождались! – Роман упрямо мотнул головой. Лицо его, по-женски красивое, горело огнём гнева.

ского княжества, включающего в себя также восточный берег Крыма с г. Корчев (ныне – Керчь).

⁴² Платно – платье, одежда.

⁴³ Энколпион – нагрудный крест с помещёнными внутри мощами святых.

⁴⁴ Чудь – предки современных эстонцев. Чудью заволочской называли на Руси племена угро-финской языковой группы, жившие по берегам рек Онеги и Северной Двины.

«Не зря сладкозвучный Боян прозвал Романа Красным, – подумал Олег, с насмешливой улыбкой глядя на красавца брата. – И вправду красен он, яко солнце на небеси. Любая княжна, а то и царевна какая высокородная пошла б за него».

Густые светло-русые волосы Романа слегка вились и кудрями ниспадали сзади на молодецкие широкие плечи, спереди лихо закрученный чуб опускался на высокий гладкий лоб, в ярко-голубых, как лесное озеро, глазах полыхало пламя, алые губы были плотно сжаты от негодования, подбородок, обрамлённый короткой вьющейся бородкой, горделиво и упрямо тянулся вверх.

– Постой, брат! – Давид пытался удержать Романа за длинный рукав шитого из дорогого лунского⁴⁵ сукна кафтана. Роман с силой отдернул руку и, презрительно скривив уста, вскричал:

– Когда войду я в Киев и прогоню Всеволода, ничего не дам вам в волость! Ждите манны небесной в своей Тмутаракани!

Он бросился прочь из палаты и с силой захлопнул за собой дверь.

Давид набожно перекрестился.

– Теперь такого натворит... – закрыв ладонью лицо, покачал головой Олег. – Ну что, Давидка, деять-то будем?

– Ждать, брате, чего ещё.

– И вправду ждать. Роман пушай по степям помыкается. Ничего у него не выгорит, коли на Русь сунется, – вздохнул Олег.

Наполнив чашу до краёв хмельным тягучим мёдом, он залпом опорожнил её и, кряхтя, вытер свои пышные густые усы.

⁴⁵ Лунское – английское.

Глава 6. Путь инок

Холодный северный ветер мчался по русским равнинам, он бросал в лицо ледяные струи осенних ливней, со свистом выводил заунывную загадочную мелодию в щелях изб постоянных дворов, сгибал тугие стволы осин и ив, шумел, разгоняя по земле сухие опавшие листья.

Набросив на голову куколь⁴⁶ и плотнее закутавшись в чёрную рясу, шёл по размытому дождями бездорожью одинокий седобородый монах. Громко чавкала под обутыми в добрые поршни⁴⁷ ногами тяжёлая осенняя грязь; пастырский деревянный посох упрямо стучал и стучал, врезаясь во влажную глину. И так верста за верстой, час за часом, день за днём. Короткие привалы, ночи у костра, на хвойном душистом лапнике – и снова впереди путь сквозь ветер и дождь, сквозь поле, рощи, леса, через слободы, сёла и городки.

За спиной остался маленький Любеч на горе над грозно дыбившимся Днепром; Смоленск со множеством свежеструганых ладей, насадов, паузков, учанов⁴⁸; Полоцк – пустой, полуразрушенный, с чёрными печными трубами над пепелищами, – а странник всё идёт и идёт, взглядывая ввысь, в пасмурное, обложенное мрачной серостью тяжёлых туч небо.

Долго ли будет так брести он? И зачем, куда он идёт упрямо, сжимая уста, шатаясь от усталости, клонясь, как тонкое деревце, под яростными порывами злого ветра? Может, знает он что-то, чего не знают, не ведают другие? Может, открыта ему некая вышняя, горняя правда? Или просто уходит он, бежит от суматошного, исполненного мерзостей и низменных страстей мира? Бежит, чтобы вот так, посреди глухой чащобы полной грудью вдохнуть напоённый девственной чистотой и свежестью воздух?

Постриженец Борисоглебского монастыря на Лытеце Иаков, наверное, не сразу бы и ответил на все эти вопросы. Сложен, вельми сложен был мир вокруг, и не смог он, смиренный и жалкий, укрыться от него в Киевских Печерах, не смог выдержать творящихся за стенами своей кельи беззаконий, грехов, попрапия и забвения Божьих заповедей. Он понимал, как ни странно, глубже и яснее других скрытый за словами и деяниями смысл событий, смысл, выраженный одной короткой фразой: «Всем володеть». И уходил, убегал не от страха, но от неприятия этих слов, этого порядка жизни, прозвание которому – сколота⁴⁹, междоусобие, разорение. А что именно так будет, Иаков был уверен, ибо знал: добрые дела вершат люди с чистой перед Господом совестью; там же, где преступают клятвы и попирают законы, доброго не жди.

...Иаков потерял счёт дням пути. Облегчённо вздохнул он, лишь когда увидел за холмами на крутояре, у берега большой реки дубовые стены и городни⁵⁰.

– Слава те Господи! Плесков⁵¹. Конец пути моему.

Монах перекрестился и устало смахнул с чела пот.

...За невысоким деревянным тыном взору его открылись избы посада, кузницы, скудельницы, впереди на холме завиднелась приземистая церквушка с куполом-луковичкой на тонком барабане.

Снова положив крест, Иаков остановился у дощатых врат монастыря и настойчиво постучал посохом в плотно закрытое ставнем смотровое оконце.

– Кто там? – раздался по ту сторону врат сонный скрипучий голос.

⁴⁶ Куколь – монашеский капюшон.

⁴⁷ Поршни (постолы) – на Руси род кожаной обуви.

⁴⁸ Насады, паузки, учаны – виды речных плоскодонных парусно-гребных судов.

⁴⁹ Сколота (*др.-рус.*) – распря.

⁵⁰ Городня – сруб, заполненный землёй и щебнем; часть крепостной стены.

⁵¹ Плесков – Псков.

– Иаков аз есмь, инок печерский! Пусти, Христа ради, брате! Умаялся, с самого Киева в пути! – отвечал странник, устало сбрасывая с плеча котомку.

Вот уже ведут его по монастырскому подворью, он видит просторную трапезную под двускатной крышей, утлые избы-кельи, высокое крыльцо перед хоромами игумена, поднимается по крутым ступеням, проходит через сени.

Настоятель монастыря, отец Никодим, худой, высоколобый, с густой чёрной бородой лопатой, в которой пробивалась кое-где предательская седина, в чёрной рясе грубого сукна, с панагией на груди, по всему видно, был немало удивлён приходу Иакова. Он провёл его в приёмный покой, весь уставленный дорогими медными ларями и украшенный иконами знаменитого царьградского письма.

Они долго сидели вдвоём за столом, трапезовали, ели мало, больше говорили. Никодим всё расспрашивал Иакова о его жизни, об устройении Печерской обители, о последних событиях в Киеве. Иаков неторопливо, степенно отвечал:

– Я, отче, сам со Лытеца, с Переяславля. Тамо, на Лытеце, и постриг принял. В Киев, в Печеры, после перебрался. А ещё позже призвал мя покойный Изяслав Ярославич княжичей слову Божьему обучать. Ну да не токмо сему учил их – и хроники разные чли, и святых отцов труды. Много всего.

– Дак ты, брат, верно, и нынешнего нашего князя, Святополка, со младых лет знаешь? – спросил с изумлением игумен.

– Как же. Смышлёный был отрок. Не сказать, чтоб на лету мысли ухватывал, однако же... Неглуп, способен был в ученье, прилежен. Токмо вот... сребролюбив он вельми. Паче всякой меры рухлядишку разноличную привечал – цепочки тамо злещёные, ожерелья, перстеньки с камнями. Всё то добро собирал да в сундуки складывал, прятал от чужих очей.

– Нешто так! – ахнул Никодим. – Ну а Феодосия, игумена Печерского, знавал ли ты?

– И его знал. Почитай, кельи наши рядом стояли.

– Нешто так! – повторил, раскрыв рот, игумен. – Ну а скажи, брате. Вот устав греческий, Студийского монастыря, как, исполняют ли в обители Печерской?

– Да как те отмолвить, отче? Ну вроде да. Трапеза у иноков обчая, имение обчее, живут подаяниями. Всё тако. Однако же... В последние лета особливо переменилась жизнь в Печерах. Князя со боярами задаривают, сёл много получил монастырь, а в сёлах тех – закупы, людины. В обчем, доходы большие от сего мнихи имеют. В уставе же как писано? Дары принимать, но своими трудами кормиться. У нас же выходит – трудом тех закупов да людинов живём.

– Ну то уж... – Никодим, хмуря брови, развёл руками. – Тут ведь, брат Иаков, оно конечно... Но еже... Еже по-иному глянуть. Молитва молитвою, подаянье подаяньем, а не с голоду ж помирать, еже що. Коли тех закупов да людинов не притеснять излиха, брать с них по Правде, по закону Ярославлеву, дак що ж в сём худого?

– Мнихи ведь мы, отче, не бояре, – осторожно возразил Иаков, но, видя, что собеседник недовольно отводит взор, поспешил перевести разговор на иное. – Вот, мыслю я, перезимую как ни то у вас, а по весне на Плесково озеро пойду. Хощу тамо, в лесу, обитель новую основать.

– Трудное се дело, брат. – Никодим качнул головой. – Енто, почитай, яко Христос в пустыне жил али яко первые иноки печерские: Антоний, Моисей Угрин, Никон. Немало им претерпеть довелось. Тяжкую стезю избрал ты, Иакове.

– Да, отче. Ведаю о труднотах, о болестях разноличных, о гладе. Но готов аз... Думаю, что готов. И ведаю такожде: иного несть у меня пути. Лёгкой стези не искал и не ищу, отче.

В палате воцарилось молчание. Игумен, склонив голову в чёрном клобуке с окрылиями, покусывая губу, размышлял над Иаковыми словами.

Наконец, мягко улыбнувшись, сказал:

– Дай перекрещу тя и расцелую, брат! Благословляю на труд сей тяжкий!

Иаков, приняв благословение, поклонился игумену в пояс.

– А еже що, еже нужда великая настигнет, дак ворочайся, Иакове, к нам в обитель. Мы хоть люди и тёмные, в премудростях книжных не искушены, но рады тебе завсегда будем.

...Так начиналась для черноризца Иакова новая жизнь – жизнь вдали от сует грешного мира. На следующее лето, едва схлынули талые вешние воды, взяв с собой двоих молодых послушников, отправился он на ладье-однодеревке к берегам Плесковского озера. И застучали в глухом необжитом месте, в десятках вёрст от человеческого жилья, посреди прибрежного хвойного леса плотничьи топоры. А рано осенью вознёсся к небесам, прорезав тёмную зелень сосновых крон и острые пики разлапистых елей, купол церкви с золотым, устремлённым ввысь православным крестом.

Глава 7. Жаркие споры

Обедали в скорбном молчании. Место во главе стола, где обычно сиживал покойный князь Изяслав, пустовало. Слева от него сидела в чёрном платье, в повое на голове вдова умершего – княгиня Гертруда; справа, тоже в трауре, с единственным украшением – серебряной серьгой в ухе – его старший сын, князь Святополк, огромного роста, сухощавый, с узким длинным лицом, тонким хрящеватым носом, глазами немного навывкате и чёрными прямыми волосами. С серьгой, словно язычник с оберегом, князь никогда не расставался.

Рядом со Святополком – младший брат его, Пётр-Ярополк, светлоусый, русоволосый; далее сидели ближние бояре, и среди них – мрачноглазый новгородский посадник Яровит.

За столом напротив расположились жёны обоих молодых князей, возле них – дочь Изяслава Евдокия и несколько знатных боярынь.

Святополк ел медленно, осторожно, словно боясь замарать свою длинную и узкую, как у персидского купца, бороду. Молодшая сестрёнка, Евдокия, очень похожая на мать, такая же остроносенькая и сероглазая, чуть насмешливо посматривала на его насупленное сосредоточенное лицо.

Следовало бы начинать, наконец, разговор о делах, но Святополк, со скрытым отвращением взирая на упрямые скулы и жёсткий подбородок матери, всё откладывал и откладывал столь неприятное щекотливое дело.

Гертруда не выдержала первой. Со стуком отложив в сторону двоезубую ромейскую вилку, она решительно оборвала тягостную унылую тишину.

– Что сидите, как в рот воды набрали? – недовольно уставилась она на сыновей. – На меня, на жёнку, державные дела валите?! – Княгиня вдруг распалилась и продолжила с гневом и возмущением: – Дед ваш, Ярослав, определил перед своей смертью порядок, лестницу родовую. Так вот, по лестнице этой второй по старшинству в княжеской семье владеет Черниговом, а третий – Переяславлем! Второй по ряду теперь ты, Святополк, а третий – ты, Ярополк-Пётр! Вас же стрый⁵² Всеволод, как ягнят, вокруг пальца обвёл! Чернигов своему сыну, Мономаху, дал в удел. И Переяславль тоже под свою руку сгрёб. А вы молчите! Как будто так и быть должно! И если бы не я, то ты, Ярополче, и того, что имеешь, не получил! Ни Туров, ни Перемышль не хотел тебе князь Всеволод давать. Вас, дурней, в сторону, вдаль от великого стола отодвинули, а вы... – Она раздражённо махнула рукой. – Всё терпите, всё ждёте! А чего ждёте?!

– Да не кипятись ты, мать, – досадливо обронил Пётр-Ярополк. – Сегодня так, а завтра, глядишь, иначе будет. Всяко князю Всеволоду с нами считаться придётся.

– Придётся! – насмешливо передразнила его Гертруда. – Да Всеволод и не с такими, как вы, не посчитался! Рохли вы!

– Ты, матушка, нас излиха не укоряй, – осторожно вступил в беседу Святополк. – Бо сказано пророком Даниилом: «Всевышний владычествует над царством человеческим и даёт его, кому хочет».

– Святоша! – Гертруда брезгливо поморщилась.

Святополк огладил пальцами долгую бороду, опасливо оглядел бояр, подумал, можно ли тут говорить откровенно, вздохнул, набожно перекрестился и наконец вымолвил:

– Сказываешь, Черниговом мне владеть по ряду полагается? А забыла ты, как отец прошлым месяцем под этим Черниговом стоял, как стены крепостные и дома огню он обрэк? И как черниговцы супротив него бились? Все они там смутьяны, злодеи да прихвостни Ольговы. Если мне не веришь – Петра спроси или вон боярина Яровита. Они тебе расскажут, как затво-

⁵² Стрый – дядя со стороны отца.

рились были⁵³, и купцы, и чернь посадская во внутреннем городе, как имя отца нашего хуле и проклятьям предавали. И мне что, после того размирья княжить у них? Как ужу на сковородке вертеться и ждать, когда какой Ольгов доброхот из-за угла ножом уклонет? Ведь не убедить, не увещать их. Про таких, как сии нечестивцы, сказано: «У них есть глаза, чтобы видеть, а не видят, у них есть уши, чтобы слышать, а не слышат». Упрямы, дерзки. Кроме того, Чернигов ныне в руинах лежит, надо его, почитай, заново отстраивать. И стены, и кузни, и терема, и храмы. Всё это куны⁵⁴, ногаты⁵⁵, дирхемы⁵⁶ арабские. А под боком – половцы, того и гляди, набег учинят – скотину, коней уведут, ролю⁵⁷ вытопчут – будешь нищенствовать. Нет, уж пусть со всем этим Мономах управляется.

– Выходит, ты Новгородом доволен? – презрительно заметила Гертруда. – Тебя в медвежий угол загнали, а ты и рад?! Да в Новгороде ты и не князь стольный, а наместник Всеволодов, подручник у бояр да у черни!

– Не сказано ли во Святом Евангелии от Матфея: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкопывают и крадут»? – возразил Святополк.

Но княгиню было уже не остановить.

– Поп будто ты, не князь, не сын мой! – раскричалась она, багровея от ярости. – Где гордость твоя княжеская?! Тебя обходят, обирают, отца твоего убили, а ты одни слова сыплешь, как горох, отрекшишься от всего! А ты?! Ты чего молчишь?! – напустилась она на Ярополка.

– Охолонь, мать! – огрызнулся князь волынский. – Не время и не место здесь речи сии разводить. Ещё слёзы наши по отцу не высохли.

– Воистину, – с готовностью поддержал младшего брата Святополк.

Гертруда прикусила губу. Она поняла: разговор – откровенный, без обиняков – будет тихий и келейный и состоится он не сейчас и не здесь.

... Собрались ввечеру на старом Брючиславовом дворе, в обветшалом, продуваемом осенними ветрами покое. Сидели при свечах – двое князей, три княгини, посадник Яровит и волынский боярин Лазарь. Старый Изяславов слуга-евнух прислуживал за столом.

Было холодно, супруга Петра-Ярополка, немка Кунигунда-Ирина, и жена Святополка, чешка Лута, кутались в шубы. Гертруда распоряжалась как хозяйка и отдавала евноху короткие повеления.

На стене висели круглый щит и секира. Святополк подошёл и провёл пальцем по лезвию.

– Ржавая, старая секира. Поди, с Брючиславовых⁵⁸ времён, – сказал он, ухмыляясь. – Как думаешь, братец, не отослать ли нам её в Полоцк, ко князю Всеславу⁵⁹. Скажем: твоего батюшки добро, нам оно без надобности. А тебе, может, когда и пригодится.

Ирина и Лута захихикали в ответ на удачную шутку.

– Не к месту смех ваш! – зло прикрикнула на них Гертруда.

Ирина, зардевшись, опустила голову, Лута же в ответ нарочно рассмеялась ещё громче.

– Что ты тут про Всеслава плёл? – Подавив раздражение, вызванное поведением старшей снохи, Гертруда с подозрительностью уставилась на Святополка. – Князь Всеслав всегда был врагом твоего отца!

– Да, был. Только ведь не зря сказано про пословицу: «Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина». Рёк Господь пророку Иезекиилю: «Не будут вперёд говорить эту пословицу».

⁵³ Были (*др.-рус.*) – бояре.

⁵⁴ Куна – денежная единица на Руси. Составляла 1/25 гривны.

⁵⁵ Ногата – денежная единица на Руси. Составляла 1/20 гривны.

⁵⁶ Дирхем – арабская серебряная монета. Имела широкое хождение на Руси.

⁵⁷ Ролю (*др.-рус.*) – пашня.

⁵⁸ Брючислав Изяславич – полоцкий князь, двоюродный брат Ярославичей, правил в 1003–1044 годах.

⁵⁹ Всеслав – сын Брючислава, князь полоцкий в 1044–1101 годах.

– К чему это?! – хмыкнула Гертруда.

– А к тому, матушка, что со Всеславом союз нам надобен, но не война. Земля Полоцкая ведь как раз меж Новгородом и Волынью лежит. Вот и помысли. Если будем мы все трое воедино, если будет союз наш крепок, то и Всеволод, и Мономах призадумаются. Мы суда, караваны купецкие ко свеям, к уграм, к немцам, к морю Хвалисскому⁶⁰ снаряжать будем, богатство великое заимеем, а золотом и серебром купим воинов удатных. И тогда не на Киевщину с Черниговом, где иноплеменные измаильтяне в развалины сёла и деревни обращают, но на нас, на наш союз весь мир смотреть станет, – с жаром говорил Святополк. – Что нам тогда Всеволод? Да пусть сидит на столе, пусть дрожит, как листок осиновый.

– Ты, Святополк, торгаш! – сморщилась Гертруда. – Скажу тебе так: со Всеславом я стовариваться не буду! И тебе не позволю! Гордость я имею! Помню, как сидел Всеслав на киевском столе, как глумился надо мной! И чтоб я теперь с ним?! – Плечи Гертруды передёрнулись от омерзения. – Да ни за что! Лучше убейте меня здесь, но покуда жива – не позволю!

Святополк отшатнулся от неё, сплюнул с досады, отошёл к окну.

– Всё былое вспоминаешь, мать! Лучше бы тех вспомнила, кто нас из Киева четырьмя годами позже гнал, – процедил он сквозь зубы. – И не кричи на меня, и грозить не смей. А нравится под Всеволодом жить – живи. Только помни: Всеволод, он чуть что, может тебя и в монастырь запрятать, а то и вовсе в родную твою Польшу отошлёт. Такого, может, хочешь?

– Нет, брат, – вступил в беседу молчавший доселе Пётр-Ярополк. – Нам за хвост Всеволодова коня держаться нечего. Мы выждем покуда, силушки наберём. А потом, еже что, угров⁶¹, ляхов, немцев супротив него призовём. Мыслью, и римский папа помощь даст.

– Вот се – верно, – одобрительно затряс бородой боярин Лазарь.

– А здорово помог папа нашему отцу? – прищурившись, злобно осклабился Святополк. – Ни единого воина не дал, одни слова, одни обещанья пустые.

– То ране было. Ноне инако, – коротко возразил ему младший брат.

– Да брось ты! – Святополк отступил от окна и тяжело плюхнулся на лавку. – Думаешь, Климент⁶², Генрихов ставленник, вместо Григория папой стал, так по-иному поведут они себя? Нет, Ярополче, нет. Они между собой, как волки, грызутся. И до твоих забот никакого им дела нету.

На какие-то мгновения в покое воцарилось молчание, стал слышен гул ветра за ставнями. Маленькая шуплая жена Святополка зябко поёжилась и кашлянула.

– А ты, боярин, что молчишь? – обратилась Гертруда к Яровиту. – Как мышь, в углу замер. А ну, ответь нам, с кем ты. А то, может, хочешь о речах наших Всеволоду донести?

– Обижает, княгиня! – хрипло отозвался из своего угла Яровит. – Не переметчик я. Да и какой смысл мне в доносе, какая корысть? Думаю я так: ваши с князем Ярополком дела обсуждать здесь ни к чему. Всё равно каждый при своём останется. От одного остерегу тебя, княже Ярополк. Латинских попов на Русь пускать не вздумай. Кроме вреда и сатанинских мерзостей, ничего они не принесут. И на ляхов особенно не полагайся. Вспомни, как при отце твоём и при деде опустошали они пуще половцев Русскую землю.

Гертруда злобно фыркнула, но удержалась и смолчала. Только в глазах её полыхнула на миг жгучая ненависть.

...Евнух освещал факелом дорогу. Шли дворами, осторожно, тихо – впереди Святополк с женой, за ними следом Яровит. У крыльца новгородского подворья их окликнула стража. Рука евнуха дрогнула, княгиня Лута испуганно вскрикнула.

⁶⁰ Хвалисское море – Каспийское море.

⁶¹ Угры – венгры.

⁶² Климент – римский папа, ставленник германского императора Генриха IV.

– Что пугаешь?! – громко одёрнул стражника Яровит. – Не видишь, князь тут с княгиней. Из церкви идём.

– С черквы? Ну, тогда извиняйте.

У боярина отлегло от сердца. Слава Богу, свои, новгородцы, не Всеволодовы люди у хором.

...После они сидели вдвоём за столом в палате, Святополк сокрушённо тряс головой и цокал языком.

– Эх, братец, братец! Ты ответь, Яровит, ну зачем он мать мою во всём слушает? Ведь её это мыслишка – про папу. Чует сердце – натворят они бед на Волыни!

– Не натворят они ничего, князь, не сумеют. Стрый⁶³ твой Всеволод не даст. Он человек умный. Полагаю, помыслы матери твоей наперёд знает.

– А про Всеслава как думаешь? Прав ли я? – В лице Святополка Яровит уловил некоторый страх, словно спрашивал его молодой князь: «А не слишком ли был я смел?»

Боярин улыбнулся:

– В этом ты прав. Всеслав – наш сосед, притом родич он твой, русич, не иноземец. Ну а на брата твоего Петра-Ярополка полагаться не приходится. Это мы оба с тобой поняли. Если ввяжется он в котору⁶⁴ с Киевом, то сам себя погубит. Об ином хочу речь повести с тобой, князь. Прежде чем нам со Всеславом или ещё с кем дело иметь, о себе надо подумать. Дружина нам нужна сильная. Ведь где сила, князь, там и уважение соседей, и страх недругов. Поэтому... Ты уж не скупись. Ибо без доброй дружины мы с тобой в Новгороде и года не просидим. Это первое. А второе – новые торговые пути надо Новгороду осваивать. Вот и думаю... Ты бы, княже, поехал завтра поутру в воинский стан, в Берестово. Найдёшь там англов, братьев Мономаховой княгини Гиды – Эдмунда и Магнуса. Предложи им: переходите ко мне на службу со своей чадью. Посули походы на чудь, на корелов, на емь, за море. Мол, скучать не придётся. Чую, надоело этим удатным молодцам пограничье, стычки с погаными да степной ковыль. А я тем часом на Копырёв конец схожу, к одному иудею, Захарии Козарину. О торговых делах с ним потолкую. Вот с этого, с малого, и начнём, князь. – Яровит с улыбкой глянул на слушающего его с неослабным вниманием Святополка и добавил: – А на своего брата не смотри. Ну его!

Он лукаво подмигнул князю и поднялся с лавки.

⁶³ Стрый – дядя со стороны отца.

⁶⁴ Котора – распря, междоусобица.

Глава 8. Королевич Магнус

В затянутом тяжёлыми низкими тучами небе плыли стаи птиц. Было промозгло, влажная жёлтая трава шуршала под тимовыми⁶⁵ сапогами. Королевич Магнус, супясь, укрылся в свежесрубленной просторной избе. В лицо пахнуло сеном и молодой древесиной. Магнус сорвал с головы кольчужную сетку, пригладил десницей прямые льняные волосы, снял с широких плеч голубой суконный плащ. Разувшись, вытянул ноги к тёплой печи. Запрокинув голову, тупо уставился в бревенчатый потолок. И тотчас вспомнились зелёные луга родной Англии, её благословенные туманы, как наяву открылся перед ним каменный отцовский замок, он видел пенящиеся морские волны, лижущие низкий песчаный берег. Рука нервно сжималась в кулак, тяжкая ненависть подкатывала к горлу, душила, заливала багрянцем лицо. Так хотелось сечь проклятых нормандцев, этих наглых захватчиков, и мстить им, мстить без жалости – за гибель отца, за разорение страны, за свой позор! Но вместо этого приходилось, стиснув зубы, гоняться по жаркой ковыльной степи вослед узкоглазым вонючим кочевникам. Брат Эдмунд говорит: «Ничего не поделать, служба!» Словно и забыл брат прошлое, словно, как сестра Гида, стал руссом. Сестру понять можно – муж, дети, обильное и обширное княжество, но Эдмунд?! Неужели не кипит в нём кровь, не зовёт его неудержимая жажда мщения в морские просторы?! Нет, он, Магнус, помнит былое, хорошо помнит, и пока он жив, горит в нём огонь – всепожирающий, мрачный, неодолимый!

Наверху, на крытых душистым сеном нарах, раздался громкий шорох. Магнус скосил глаза, недовольно скривил губы. Эдмунд, в одной нижней рубаше, спрыгнул на пол.

– Опять путаешься с этой немой, – угрюмо проворчал Магнус. – И не надоело тебе?

Он увидел вынырнувшее из сена лицо молодой поленицы⁶⁶. Женщина попала в полон во время похода смолян и новгородцев на Полоцк, а после, выкупленная князем Владимиром, была принята на службу, благо хорошо владела и мечом, и луком. Рыжие распущенные волосы её разметались во все стороны, в карих глазах полыхала страсть.

– Ведь ты сын короля, Эдмунд! Где твоя гордость, твоё достоинство? Она же простолюдинка! Я понимаю, если бы у тебя было много женщин, как у всякого рыцаря на войне. Но ты второй год живёшь с этой... И руссы, и наши англы смеются над тобой, Эдмунд!

Брат вспыхнул, взялся рукой за крыж⁶⁷ длинного меча.

– Пусть кто-нибудь попробует позубоскалить! Я вызову его на поединок и проткну, как собаку! – вскричал он в ярости.

– Я вижу, тебя устраивает эта жизнь. Или ты забыл наши прежние унижения? – не обращая внимания на гневные слова брата, продолжал Магнус. – Или тебя уже покинуло желание отомстить проклятому герцогу Вильгельму?!⁶⁸

– Я воин, Магнус, и знаю, что в Англию мне дороги нет. Я умею мириться с тем, что произошло. Да, мы проиграли, мы потеряли родину и королевский престол. Но жизнь на этом не остановилась.

– И какая же это жизнь! – теперь уже вскипел Магнус. – Гоняться за вонючими кочевниками, спать на конском седле, предаваться блуду с ненормальной бабой!

Эдмунд набросился на него с мечом.

– Защищайся! Как ты посмел оскорбить достойную женщину?!

⁶⁵ Тим – род сафьяна, тимовый – сафьяновый.

⁶⁶ Поленица – богатырка, женщина-воин.

⁶⁷ Крыж – рукоять.

⁶⁸ Вильгельм (ок. 1028 – 1087) – нормандский герцог, в 1066 году завоевал Англию.

Сталь лязгнула по стали. На пол полетели перевёрнутые скамьи. Дубовый стол, покачнувшись, с грохотом рухнул посреди горницы.

Магнус, босой, едва успевший схватить меч, отступал к двери, с мрачным хладнокровием отбивая сыпавшиеся градом тяжёлые удары клинка разъярённого брата.

Рыжеволосая поленица в серебристой чешуйчатой кольчуге скользнула между ними и ловко схватила обоих за руки.

Она отчаянно затрясла головой с копной распущенных волос и замычала, словно говоря: «Нет, нет, перестаньте!»

Братя, отгаивая, опустили оружие.

– Её благодари, Магнус! – с лязгом вгоняя меч в ножны, прохрипел Эдмунд. – Я бы не посмотрел, что ты мой брат. Убил бы!

– Не так просто убить сына короля Гарольда Годвинсона! – Магнус гордо вскинул голову.

Поленица потянула Эдмунда в смежную с горницей оружейную. Когда они скрылись, Магнус кликнул холопа, молча указал на разбросанные скамьи и перевёрнутый стол и снова присел у печи. Терпение его иссякало, он стал в мыслях прикидывать, куда бы податься, к кому наняться на службу. К ромеям – говорят, они хорошо платят? Нет, ромеи живут слишком далеко от Англии. Тогда, может, к польскому королю? Но, говорят, поляки не любят брать в дружину чужестранцев. Мысли Магнуса путались, он хмурился, скрипел зубами, злился.

Дверь тихо скрипнула. Англ из сторожи поспешил сообщить:

– В лагере принц Хольмгарда⁶⁹, Свiatoплуг. Хочет видеть тебя.

– Зови его скорей! – Магнус сам не понял, почему вдруг обрадовался и оживился.

Сунув ноги в сапоги, он порывисто вскочил.

Святополк, нагнувшись, чтобы не задеть головой притолоку, ступил в горницу. Перекрестился на икону Богородицы на ставнике, сел за стол, который гридень⁷⁰ накрыл белой с алыми цветами скатертью.

...Пили светлый пшеничный ол⁷¹, закусывали воблой и душистым хлебом.

Святополк неторопливо тянул своё:

– В Новгороде мне нужна дружина. Знаю, что ваши англы – добрые опытные воины. И ты, королевич, хотя и юн летами, имя своё уже прославил. – Видя, что Магнус расцвёл в улыбке в ответ на это «королевич», он осмелел. – Переходи ко мне на службу. Хоромы будешь иметь на Городище – не чета этим вот. И жалованье положу – думаю, унцию серебра в месяц каждому воину. А тебе вдвое боле. Будешь на чужь за данью ходить, на литвинов, от свейского⁷² короля землю оберегать. Потом, суда торговые охранять в пути. Дел много.

Магнус долго молчал, думал, кусал усы, сомневался. Наконец спросил:

– Если я иногда в море нормандский драккар⁷³ на дно пуцу, не осудишь?

– Только рад буду, королевич. Добычу с драккара поделим, станем богаче. – Святополк улыбнулся. – Да, вот что! – спохватился он. – Брат-то твой где? Хочу и с ним о наших делах потолковать.

– Эдмунд? С ним говорить не надо. Не пойдёт! – сердито буркнул Магнус. – С одной непотребной девкой он спутался.

Святополк, жуя вяленую рыбу, молча кивнул.

Магнус позвал двоих сотников, Вульфстана и Кнута. Составили ряд, скрепили его вислой княжеской печатью. Всего под началом Магнуса поступали на новгородскую службу четыре

⁶⁹ Хольмгард – скандинавское название Новгорода.

⁷⁰ Гридень – категория младших дружинников на Руси. Часто выполняли роль телохранителей при князе.

⁷¹ Ол – пиво.

⁷² Свейский – шведский.

⁷³ Драккар – военный корабль викингов.

сотни воинов – почти треть пришедших из Дании. Каждый ставил на грамоте против своего имени крестик или чертил незамысловатый знак.

Обратно в Киев Святополк воротился уже затемно. Дорогой он, пустив коня шагом, всё мучился сомнениями: не переплатил ли серебра, не следовало ли поторговаться? Но поздно было жалеть о содеянном: грамота с печатью уже лежала в калите.

Святополк отогнал прочь беспокойные мысли и всмотрелся в тёмную вечернюю даль.

Глава 9. Страхи и молитвы Всеволода

Запрокинув руки за голову, князь Всеволод уныло смотрел ввысь. Далеко в светло-сером пасмурном небе плыл журавлиный клин, видно было, как птицы равномерно, в такт машут крыльями. Один взмах, другой... Журавли летят на юг, в тёплые неведомые страны, навстречу ласковому солнцу, а он, Всеволод, лежит здесь, на лугу возле красного двора, на пожухлой траве, на холодной влажной земле, усталый, обессиленный, мрачный, и понимает с горечью, тоской и страхом, что уже никакое солнце не согреет его своим теплом. Один холод, один ужас свершённых грехов, одна безнадежность – вот каков его удел!

– Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои. Наипаче омой меня от беззакония моего и от греха моего очисти меня, – шепчет он едва слышно дрожащими устами.

Но что толку от молитв, если створил он, по своей собственной воле и по дьявольскому наущению, Каинов, не смываемый ничем, грех, если багряная полоса, струя крови всё стоит и стоит у него перед глазами! Крови Изяслава, брата, крови, которую пролил он, Всеволод, князь Хольти скандинавских саг! И ужас охватывает, сковывает сердце, и, кроме этого ужаса, нет у него в душе ничего – одна немая чёрная пустота – до звона в ушах. Ни крика, ни боли, ни стыда!

Вдруг подумалось: а не бросить ли ему всё это – власть, золотой стол, дорогие одежды, глуповатую надменную жену-половчанку, Киев с его бесконечными надоедливими делами и хлопотами?! Не лучше ли облачиться в рубище, надеть на грудь тяжкие вериги, взять в десницу деревянную сучковатую палку, забросить за плечи худую котомку со скудным скарбом и отправиться, вослед этим небесным птицам, в бесконечное и бесцельное скитание? Калики переходят... Всеволод вспомнил долгобородых седовласых старцев в истоптанных лаптях, в лохмотьях, с неземным огнём в глазах, и тотчас ему со всей отчётливостью стало ясно: такая жизнь – не для него, привычного к слугам, к роскоши, к доброй еде, к тёплым теремам и книжным свиткам. Да и – он знал – не спасёт его скитание, не укроют жалкие лохмотья от грехов и Господней кары – да, от кары, которая – он это тоже знал – неотвратима. И когда наемни приходил к нему английский принц Магнус, говоря, что переходит на службу в Новгород ко Святополку, и когда слушал он донос тайного соглядатая о крамольных речах племянника Петра-Ярополка, и когда получал тревожные вести об обретавшихся в Тмутаракани и измышляющих новые ковы⁷⁴ против него Святославичах – Романе, Олеге и Давиде, – ударяло в голову: вот оно, начинается! Близит час расплаты!

Слабость растекалась по телу Всеволода, дрожали колени, веко дёргалось ни с того ни с сего, а иной раз среди ночи, когда просыпался он, весь мокрый, в ужасе после очередного кошмара, боль стискивала сердце. Он молился горячо, стуча зубами от холода, боль отступала, уходила, но ночные страшные видения всё стояли перед глазами – то отец с криком: «Как посмел?! На брата!», то вдруг покойный племянник Глеб Святославич, в гробу с изуродованной шеей, то та же багряная струя крови на склоне кургана. И гром... гром среди ясного неба – пронзительный, раскатистый – звенел в ушах, как набат!

Неужели... Нет ему никакого спасения, никакой надежды?!

Он снова падал на колени, отчаянно взывал: «Господи! Не для себя, не для себя творил!» – понимая всю тщетность своих мольб и увещаний. Ведь предостерегал же его Господь отцовыми устами! И гром небесный на поле брани – это тоже было предупреждение – о грозном и неотвратимом наказании за Каинов грех, за попрание клятв, за зависть, козни, за то, что думал, в сущности, только о своей выгоде, о корысти, о власти. А теперь – вот она, власть,

⁷⁴ Кова – интрига, коварный умысел.

бери, держи! Но валится она, выскользывает из рук, ибо всё «суета сует и томление духа». И что остаётся теперь ему? Ждать, ждать кары Божьей, на иное нет сил!

«И пошлю на тебя гнев Мой, и буду судить тебя по путям твоим, и возложу на тебя все мерзости твои. И не пощадит тебя око Моё, и не помилую», – речет Господь.

Не про него ли, Всеволода, сказано это?!

Ужас сковывал сердце, руки немели, зубы отбивали дробь.

...Наконец он приподнялся на локтях, медленно, с трудом встал, чуя слабость в коленях; велел гридням трогаться. Забрался в седло; пустив коня шагом, качаясь из стороны в сторону, въехал в ограду красного двора.

В горницах стоял чад. Загородный красный двор никак не подходил для жилья. Выстроенный в ромейском вкусе, не годился он для русских холодов, а когда поставили в нём печи, утонул он в угаре, в дыму и в копоти.

«Так же вот и душа моя», – подумал Всеволод, устало опускаясь на лавку.

Вокруг чихали и кашляли гридни и челядь. Кто-то догадался раскрыть окно. Холодный осенний ветер ворвался в горницу, взъерошил волосы, обдал свежестью лицо.

«А может, ещё не всё кончено, не всё для меня потеряно? – вдруг подумал Всеволод. – Ведь Бог милостив. Сказано же: “И беззаконник, если обратится от всех грехов своих, какие делал, и будет соблюдать уставы Мои и поступать законно и праведно, жив будет, не умрёт”. Господь дарит надежду на искупление. Я должен, должен справедливым правлением изгладить грехи свои! О Боже! Дай же мне сил!»

По щеке Всеволода скатилась, утонув в долгой седой бороде, одинокая слезинка.

– Едем в город. Задохнёмся здесь, – коротко бросил он гридням и, поднявшись, решительно толкнул плечом дубовую дверь.

Страхи и ужасы как-то отхлынули, упрятались в глубинах души. Вонзая бодни⁷⁵ в бока коня, мчал Всеволод по днепровским кручам. Ждала его суета державных забот – ведь он взвалил себе на плечи крест вышней власти. Стиснув зубы, преодолевая слабость и боль, проникся он решимостью и жадной действия. Надолго ли? Нет, прочь, прочь страхи, долой отчаяние, долой тяжкие воспоминания! Только благими деяниями смоет он с души своей грехи! И он сможет, сможет это! Он умирит всех и вся!

Свист стоял в ушах от бешеной скачки.

«Ничего, ничего ещё не потеряно!» – словно стучало у него в висках.

⁷⁵ Бодни – шпоры.

Глава 10. Купля-продажа

Едва только в Берестово⁷⁶ пропели петухи и розовый круг солнца выплыл из-за левобережных низин, отражаясь в днепровских водах огненными сполохами – языками, как застучали по дороге конские копыта. Большой княжеский возок, подпрыгивая на ухабах, выкатился к высоким холмам у околицы села.

– Приехали, княгиня! – крикнул с козел весёлый возница.

Гертруда высунулась в оконце.

– Здесь енто! – Возница указал на расписные, подведённые киноварью и золотом хоромы. – Тут князь Изяслав девок держал!

Дом, обнесённый палисадом, стоял на отшибе, над самой кручей. Гертруда спустилась наземь и, приказав жестом руки следовать за собой гридням, пешая пошла к воротам. С реки веяло холодом, княгиня запахла полы пышной, бобрового меха шубы, спрятала руки в широкие рукава. Чёрный вдовый плат закрывал её лоб и щёки.

Зачем приехала она сюда, что хочет тут найти? Ведь пока Изяслав был жив, с равнодушием выслушивала рассказы о его беспутстве, о пьяных пирушках в этих нарядных хоромах. Нет, она не любила Изяслава, сама иной раз изменяла ему, беря от жизни всё, что было можно, и не раскаивалась в содеянном, не простаивала часы на коленях перед иконами. А может, потому и блудила, потому и не каялась потом, что не нашла в муже того, что хотела видеть в мужчине? И всё-таки она была его женой, матерью его сыновей и дочери, и теперь, когда Изяслава не было в живых, этот дом и эти непотребные бабы-рабыни казались ей оскорблением его памяти. И её, Гертруду, они тоже теперь оскорбляли и унижали.

Управитель хором, старый евнух Иоаким, как увидел её, испуганно отпрянул в сторону, побежал куда-то, в доме поднялась суматоха, всполошно застучали ставни на окнах.

Княгиня, не раздеваясь, быстрым шагом вошла в гридницу. Навстречу ей поднялась толстомордая белотелая молодая баба в цветастом саяне⁷⁷, с золотой гривной на шее. Эта чудинка, как слышала Гертруда, была у Изяслава любимой наложницей. Несколько других рабынь испуганно жалась к дверям.

«Сколько их тут? – Гертруда пересчитала в уме. – Десятка три с лихвой наберётся. И чаши серебряные небрежно по полу раскиданы, и блюда дорогие видны в незакрытом ларе, и ковёр хорезмийский через всю стену. Верно, и после Изяславовой кончины пировали тут, и не раз. Что им! Иоакима подкупили да и пошли блудодействовать с ратными! Эх, Изяслав, Изяслав! И здесь тебя обманули!»

– Раздевайся! Живо! – грозно приказала Гертруда чудинке.

Та глумливо заулыбалась, хотела, видно, заспорить, и тогда княгиня, вне себя от гнева, захлестала её по румяным щекам, разорвала саян на груди, вцепилась в волосы.

– Дрянь! Дрянь! – Она повалила блудницу на пол и в остервенении пинала ногами полное похотливое тело. Чудинка визжала, уворачивалась.

Утолив первый гнев, Гертруда отступила. Гридни по её приказу сорвали с рабыни одежды и драгоценности и выволокли её, визжащую от ужаса, во двор.

– Всем, всем наготу свою яви! – кричала в исступлении Гертруда.

Глядя на эту голую развращённую бабу, которая даже сейчас над ней, княгиней, хотела насмеяться, вдруг подумала она, что вот из-за таких, собственно, и был Изяслав никудышным мужем и правителем. Всю жизнь удовлетворял бабы прихоти и похоти, во всём уступал, всем и всему покорялся.

⁷⁶ Берестово – село в окрестностях Киева.

⁷⁷ Саян – разновидность сарафана.

Она не выдержала снова, ударила блудницу в её высокую бесстыжую грудь и била бы ещё и ещё, но бросила невзначай взгляд на кучи соломы в саду у ограды.

«Сжечь, сжечь этот вертеп вонючий!» – Она велела запереть все двери и ставни, с четырёх сторон обложила хоромы соломой, сама зажгла лучину, с хищным удовлетворением следила, как разгорается пламя.

...Святополк, которого спозаранку предупредил евнух от Иоакима, примчался в Берестово вихрем.

«Что ты за женщина, мать! И тут поперёк пути встала!» – в ярости кусал он губы.

Только наемни он уговорился с Иоанном Козарином, сыном купца Захарии, о продаже Изяславовых наложниц. Козарин обещал баснословную сумму серебра – ведь среди рабынь более десятка были девственны. Да и иных красавиц можно было выгодно продать на невольничьих рынках. Святополк ещё спросил, кто покупатель живого товара, на что Иоанн с улыбкой ответил: «Ты удивишься, князь. Мустансир, египетский халиф. Ему и его приближённым нужны рабыни для пополнения гаремов».

«Но до Египта путь далёкий и многотрудный. Вы подвергаете себя большому риску!» – изумился князь.

«Наши дороги давно налажены», – скромно опустив взор долу и засунув ладони в рукава цветастого халата, пояснил ему Козарин.

И вот когда уже почти всё было готово, когда они ударили по рукам, мать по злонравию своему всё может испортить!

...Святополк вырвал из руки Гертруды горящий факел, в бешенстве стал топтать ногами огненные языки пламени.

– И ты такой, как твой отец! – вопила Гертруда. – Что, похоть одолела?!

«И что она понимает, дура! Дура!» – Весь в дыму, Святополк вместе со своими людьми тушил пламя водой из вёдер. В конце концов хоромы удалось спасти, рабынь вывели во двор. Прискакал Иоанн, запыхавшийся, с трясущимися руками; удовлетворённо кивнул, увидев свой товар в целостности и сохранности.

Гертруда хрипела, брызгала слюной, билась в истерике. Уже теряющую сознание, её отнесли в возок.

– Отвезите княгиню на Новгородское подворье! Уложите в постель. Княгиня больна! – приказал Святополк челядинцам.

Сам он, весь чёрный от копоти, ворвался в горницу. Воровато озираясь, засунул за пазуху поливное круглое блюдо восточной работы. Подумав, спрятал в рукав чашу с драгоценным камнем – не досталась бы под шумок кому другому. Воротившись во двор, подскочил к какой-то черноволосой девке, велел снять из ушей серьги с самоцветами, бросил их в калиту. Мрачно, исподлобья оглядел стонающих рабынь. Да, хороши, даже когда растрёпаны и унижены. Отец знал толк в наложницах.

– Иванко! – окликнул он Козарина. – Серебро нынче же ко мне на подворье привезёшь. И забирай этих блудниц. Хоть в Египет, хоть в Кордову, хоть на край света их отправляй! Только я чтоб их боле здесь не видел!

– Сделаем, князь. – Иоанн с лукавой улыбкой поклонился Святополку в пояс.

Глава 11. Одна семья

У Гертруды разболелась голова. На Новгородском подворье в Киеве было не тихо, то и дело до ушей её доносились голоса и топот ног. По покоям сновали бояре, дворня, гонцы, какие-то владычные люди в монашеских одеяниях, и едва не каждый нёс с собой весть, искал ответа или ждал приказаний.

Гертруда зло оттолкнула непроворую девку, легла, положив на лоб влажную тряпицу. Девка угодливо укрыла её медвежьей полостью, задёрнула окно пёстрой занавеской.

– Уйди! Оставь меня! – раздражённо прикрикнула на неё княгиня. Так, в одиночестве, лежала она уже вторую седмицу⁷⁸. Ни Ярополк, ни Кунигунда-Ирина, ни дочь ни разу не навестили больную. Одна Лута приходила каждый день, садилась у постели, вела длинные пустые разговоры, присматривала за ней, да Святополк иной раз показывался в дверях, справлялся о здоровье с напускным, деланным беспокойством. Ещё однажды был гонец от Всеволода, великий князь желал ей скорейшего избавления от болей.

Позже Гертруда узнает, что Святополк запретил своему младшему брату и сестре навещать её – дескать, нужен матери покой, а позаботиться о ней найдётся кому.

Близился Михайлов день⁷⁹ – Святополковы именины, но так как со смерти князя Изяслава не минуло ещё сорока дней, праздника в доме не было. После же сороковин новгородский князь и его люди собирались в дальнюю дорогу. Потому и шум, и голоса громкие нарушали покой болеющей Гертруды.

...Княгиня Лута, как обычно, быстрая в движениях, юркая, шурша тяжёлой парчой, показала на пороге. Следом за ней явилась вдруг жена Владимира Мономаха, англосаксонская королева Гида, худенькая, с правильными чертами лица, белокурая и темноглазая, вся в чёрном, как монашка, с двухлетним Мстиславом, который, держась за материну руку, сосредоточенно переступал ножками по дощатому полу.

Княгини сели на скамью у постели. Мстислав вскарабкался Гиде на колени.

– Здравствуй, княгиня, – начала, мягко улыбаясь, англичанка. – Вот. Пришли узнать, как ты... Владимир пишет из Чернигова. Город сильно погорел. Много церквей и домов сгорело. Пострадал даже собор... Собор Спаса. Да, тот, где нас венчали. Он каменный... Строят сейчас стены, дома. Почти новый будет город.

– Только люди те же. Непросто с такими лиходеями ужиться вам будет! – хрипло заметила Гертруда.

– Ничего, уживёмся. – Гида снова улыбнулась, не понимая, что собеседница едва сдерживает раздражение и злость.

Святополкова жена, почуяв неладное, быстро перевела разговор на другое.

– Мы скоро поедem в Новгород. Если только захочешь, княгиня, поедешь с нами. Ведь Святополк, как и Ярополк, – твой сын, ты его родила и воспитала.

Она подвинулась ближе к Гертруде и ласково положила руку ей на плечо. Гертруда внезапно нервно расхохоталась.

– Нет, не хочу. Не вытерпим мы с тобой, изругаемся, подерёмся! Прямо на Великом мосту вцепимся друг дружке в волосы! Ты – чешка, я – полька. Чехи с поляками испокон веков живут в ссоре.

⁷⁸ Седмица – неделя.

⁷⁹ Михайлов день – 8 ноября (ст. ст.).

– Будет кому нас унять, – поддержала её смешком Лута. – Боярин Яровит не допустит, чтобы мы царапали друг другу лицо. Как Фредегонда с Брунгильдой⁸⁰. Ведь это ущемляет княжеское достоинство.

– Мой брат Магнус тоже уезжает в Новгород. Будет служить там, – со вздохом сказала Гида. – Теперь я не скоро его увижу.

Княгини умолкли. Маленький Мстислав, которому надоело сидеть без движения, спрыгнул на пол и побежал по покою. Гида ухватила его за руку. Малыш, указывая пальчиком, проворчал:

– Тётя... Баба Гера.

Гертруда прослезилась. Странно: живя с Изяславом или теперь, с сыном, снохой и внуками, она не чувствовала себя частью семьи, словно была всегда как бы сама по себе, отдельно от них от всех. А сейчас это детское «баба Гера» показалось ей таким трогательным, таким милым и простым, что она вмиг неожиданно перестала ощущать себя одинокой и покинутой. Да, Гида, Владимир, маленький Мстислав, Святополк со своей женой – ведь они, по сути, одна, единая семья. Они вместе оплакивали Изяслава, и им всем дана в удел огромная бескрайняя земля – Русь.

Гертруда понимала, что потом, позже это чувство схлынет, забудется за большими и малыми делами и заботами, за спорами и пересудами, но сейчас, в эти мгновения, она была, едва ли не впервые за многие годы, счастлива. Восторженно целуя Мстислава, она вся светила радостной улыбкой, и мучившая её весь день тяжкая головная боль внезапно отступила. С удовольствием наблюдала Гертруда, как обе посетительницы её возятся с малышом и как Лута, словно малое дитя, хромая, бегаёт за ним по покою под серебристый смех молодой Гиды.

И даже появившийся в дверях Святополк, вечно злобно огрызающийся при виде матери, застыл на пороге с каким-то безмятежно-спокойным выражением лица.

⁸⁰ Фредегонда и Брунгильда (VI век) – королевы франков, непримиримые соперницы в борьбе за престол.

Глава 12. Тяготы власти

На поставцах⁸¹ мерцали лампы. Запах церковного ладана окутывал палату. На крытой бархатом лавке напротив Всеволода восседал, весь прямой и твёрдый, новый митрополит Иоанн, болгарин из знатного рода Продромов. Чёрная шёлковая ряса облегла стан почтенного старца, клобук с окрылиями покрывал голову, на груди золотился наперсный крест-энколпион и панагия⁸² чудной царьградской работы с изображением Богородицы. Ярко горели, переливаясь в свете свечей, разноцветные дорогие камни.

Всеволод исподлобья, испытывая смущение и неудобство, взирал на острые скулы митрополита, на его упрямый подбородок, на небольшой рот с тонкими губами. Почему-то он не мог смотреть Иоанну в глаза – маленькие, чёрные как угольки – и постоянно опускал рассеянный беспокойный взгляд.

Про нового митрополита говорили, что это человек редкого ума и духовной чистоты. «Подобного ему ещё не было на Руси, да и не будет. Муж, сведущий в книгах, искусный в учении, милостивый к убогим и вдовицам, равно ласковый к богатому и бедному, смиренный и молчаливый, владевший даром слова и утешавший святыми беседами печальных», – писал о нём летописец.

Иоанн неторопливо, ровным спокойным голосом наставлял князя:

– Много, княже великий, волхвов и язычников в земле твоей. Требы чародейские правят, мерзости творят, пляскам сатанинским и песням греховным предаются. Особо в сёлах дальних, в деревнях глухих. Не согреты ещё солнцем веры православной многие и многие души.

– Так, отец. Правду ты говоришь, – вздыхая, кивал в ответ Всеволод. – Но знаешь ведь – дело просвещения и наставления в вере долгое и многотрудное.

– Ты верно сказал, княже: наставления. Ибо тех, кои творят волхвования и чары, будь то муж, али старец седой, али жёнка младая, вразумлять должно словом наставления и отвращать от всякого зла. А еже которые не отвратятся, еже упорны и упрямы будут в заблуждении греховном, тех подвергать следует наказанью строгому. Но лишать жизни аль уродовать не мочно никоторого, княже! Упаси тя Господь от лютостей сих!

– Иногда, отец, в редких случаях, не помогают никакие наказания! – в очередной раз отведя в сторону очи, промолвил Всеволод. – Есть люди упрямые, склонные ко всякому греху. Такие не боятся ни Бога, ни дьявола. И кроме смерти, не заслуживают они ничего.

– Не ожесточай сердце своё супротив них, княже. Ибо Бог – судия худым и заблудшим душам. Не будь, яко мнихи и бискупы латинские, кои тысячами ведьм да чародеев на кострах жгут. Страхом, княже, доброго христианина не вскормишь. Ибо зло токмо зло единое порождает. Вот брату твоему Изяславу, не тем помянут будь покойник, терпенья и мудрости в делах николи не доставало. И твёрдости в вере такожде. Пото⁸³ и бегал он по ляхам да по немцам, пото и зло великое на Руси творилось.

– Что вспоминать об этом, отец! – с сокрушением сказал Всеволод. – Бог – судья ему. Сам же говоришь.

– Об ином хотел я, княже! – Митрополит нахмурил лохматые седые брови. – От латинян на Руси много зла исходит. Много овец заблудших зрю в стаде своём. Негоже вам, княже, дочерей своих за латинских крулей и князей выдавать и самим латинянок в жёны брать. Тако вот и плодится зараза, чума рымская на Руси. Поглянь: три снохи твои – латинянки. Чужие

⁸¹ Поставец – здесь: подставка для лампад или лучин.

⁸² Панагия – небольшой образ Богородицы, обычно в округлой оправе, носимый архиереями на груди.

⁸³ Пото (*др.-рус.*) – потому.

они здесь, чужим свычаем и обычаям чад своих научают. Вред великий от сего грядёт, княже. Вырастут бо внучата ваши, будут на папу да на бискупов глядеть.

– А вот в этом ты неправ, отче. Вернее, не совсем прав, – мягко возразил Всеволод. – Все мои снохи: и Гида, и Лута, супруга князя Святополка, и Ирина – крещены в нашу веру. А о вдовой княгине Гертруде, упрямой в своём латинстве, скажу словами пророка Екклесиаста: «Кривое не может сделаться прямым».

– Но, может, княже, снаружи токмо⁸⁴ покорны они и благочестивы? – Иоанн упрямо мотнул головой. – А внутрь, в души их ты заглядывал ли? Княгиня Гертруда же, мнится мне, душою открыта, лжи не приемлет. Таковы ли снохи твои, княже великий? Вот совет мой тебе: приглядишься к сим жёнкам получше. О вере с ними потолкуй. А то как бы волчиц мы в стадо Христово не пустили. Сдаётся мне, Лута с Гидою полукавей да поумней княгини Гертруды.

...Митрополит благословил Всеволода на прощание и давно ушёл, а князь, уставший после долгого спора, стоял у окна, тупо глядя вдаль на крутой днепровский берег. Ноябрь, минули сороковины по Изяславу, скоро льдом скуёт реки, снег укутает землю, и прошлое постепенно уйдёт, отодвинется посторонь, затаится в глубинах памяти. Уже одно то хорошо, что чёрные одежды сняли с себя снохи и племянники. Ничто не будет непрестанно, из часа в час, напоминать об убитом Изяславе.

Всеволод невзначай бросил взор в сад. Там медленно прохаживались все три невестки. Иоанн прав – Бог весть, что там у них на уме. Вот идут – чуть впереди Ирина, красавица – дух захватывает. Лицо набелено чуть не до блеска, колты переливаются у висков, а какие мысли под высокой кикой, в голове таятся – разве выведаешь?

Засмотревшись на Ирину, Всеволод не сразу заметил, что две другие княгини вернулись в терем. Вскоре весело и задорно застучали по лестнице ноги в сафьяновых сапожках. И вот уже стоят они обе перед ним, кланяются, Гида просит:

– Великий князь, отец мой! Если можно, дай нам Псалтирь и Апостола.

Всеволод, порывшись, достал из ларя просимые книги, тяжёлые, с медными застёжками.

– Читайте на здоровье. Сказано мудрым: «Велика есть польза от книжного чтения».

– «Кто же книги часто читает, тот беседует со святыми мужами», – продолжила, улыбаясь, княгиня Лута.

Её долгая горностаевая шуба плавно струилась с плеч, парчовая шапочка была сплошь заткана смарагдами⁸⁵, рубинами и яхонтами⁸⁶, на шее блестела толстая золотая цепь в три ряда. Наоборот, Гида была одета очень скромно, в простой шушун. Голову её покрывал шёлковый плат – Всеволодов подарок, на руке виден был серебряный браслет – вот и все украшения молодницы. Князь вспомнил давний уже разговор с сыном – это Владимир, конечно. «Не до чермных одежд», «Обойдётся княгиня», «Нечего злато на себя цеплять», – так и слышит Всеволод полные презрения сыновние слова.

Даже жалко немного стало молодую княгиню. Ведь, наверное, тоже хочет покрасоваться, как любая жёнка, как эта темноволосая чешская богачка со слегка вздёрнутым носиком и ярко окрашенными алыми устами. Чем-то Лута вдруг напомнила Всеволоду покойную старуху Хильду, служанку его матери Ингигерды. Вроде ничего общего, дочь чешского князя Спитигнева намного моложе и красивей, но вмиг возникла перед князем Хольти избёнка у Лядских ворот, двор, обрамлённый крепким частоколом, седые, разметавшиеся по подушке волосы и сказанные шёпотом, с присвистом слова признания: «Твой настоящий отец – конунг Олав Харальдссон!»

⁸⁴ Токмо (*др.-рус.*) – только.

⁸⁵ Смарагд – изумруд.

⁸⁶ Яхонт – сапфир.

Стиснул Всеволод уста, отогнал прочь неприятные воспоминания, улыбнулся обеим женщинам, поцеловал сначала сияющую от удовольствия Луту, а затем Гиду по-отцовски нежно в лоб.

...Позже явился к нему Святополк, он всё жаловался на «жженье огненное» в боку, они допоздна играли в шахматы в верхней горнице. Двигая фигуры, Всеволод вдруг вспомнил покойного племянника Ростислава⁸⁷. Боже, как было это давно?! И был ли Ростислав вообще, или это просто некий призрак прошлого, фантом языческой разгульной эпохи посетил его тогда в Переяславле, дыхнув в лицо удалым бесшабашным ветром?

– Эй, стрый, куда ты ходишь? – оборвал его мысли Святополк. – Вот мат тебе! На-ка, заполучи!

Всеволод неожиданно разозлился. Вторую партию он выиграл в каком-то бешеном порыве, а над третьей они сидели битый час, оба осторожные, задумчивые, усталые. На сундуке у двери храпел челядин, уже не один раз просовывала любопытный нос в покой удивлённая долгим отсутствием мужа в ложнице супруга Всеволода, половчанка Анна, а дядя с племянником всё терпеливо сидели на лавках, всё не желали уступить друг другу.

Наконец Святополк не выдержал.

– Давай, стрый, отложим игру нашу. Я как следующим летом в Киеве буду, продолжим, возобновим. А то аж голова разболелась.

– Ну что же, сыновец⁸⁸. Согласен, отложим. И партию, и дела наши. – Всеволод растолкал челядина и велел ему осторожно, не сдвигая фигур, убрать со стола доску.

Святополк отправился спать, а великий князь прошёл в другой покой, тот, где он беседовал с митрополитом. Тяжело рухнув на колени перед ликом Спасителя, он со слезами в глазах прерывисто зашептал:

– Господи, спаси и помилуй! Каину уподобился я, грешный! Не хотел, не хотел я убивать его! Бес меня попутал! Изяслав, брат!

Всеволод не заметил застывшую в ужасе у двери Гиду с Апостолом в руках. Неслышно положив книгу на столик, молодая княгиня быстро выскользнула за дверь. Всё хрупкое тело её содрогалось от страха. Она неожиданно узнала то, о чём знать никак была не должна. И она не могла никому ничего сказать, не с кем было ей поделиться ужасной тайной! Нет, она всё же скажет потом Владимиру! Пусть и он знает! А вдруг он и так знает, вдруг они с отцом вместе?! Как огнём обожгла Гиду показавшаяся ей в первый миг чудовищной мысль. Нет, нет, этого не может быть! Владимир – он не такой!

Мучимая тяжкими сомнениями, Гида до утра не сомкнула очей.

⁸⁷ Ростислав Владимирович – племянник Всеволода, был в 1067 году отравлен греками в Тмутаракани. Рюрик, Володарь, Василько Ростиславичи – его сыновья.

⁸⁸ Сыновец (*др.-рус.*) – племянник со стороны брата.

Глава 13. В дальней дороге

Медленно трусили по заснеженному зимнику статные добрые кони. Сверкала богатая сбруя, серебром блистали стремяна, ярко горели цветастые попоны. Глубокие следы от полозьев тянулись вослед возкам.

Боярин Яровит жадно всматривался вперёд. Долгая дорога надоедала, а ноющая от усталости спина напоминала о том, что молодые годы давно минули и с каждым днём, с каждым годом накатывает ему на плечи старость, близит окончание земного пути. Нынешним летом стукнуло Яровиту сорок пять, вроде ещё и силы не растраченной много, и замыслов больших хватает, а вот ломит в спине, пот катится градом из-под шапки с собольей опушкой, на привалах дрожат и немеют от напряжения колени, и кости трещат в ногах, как только разгибаешь их после скачки.

Чем ближе подъезжали они к Новгороду, тем меньше встречалось на пути деревень и сёл – один чёрный еловый лес густел за обочинами да широкая белая лента шляха бежала за окоём, перескакивая с пригорка на пригорок. Постепенно Яровит отвлёкся – и от боли своей, и от созерцания унылой дороги. Целиком погрузился он, как часто случалось в дни пути, в размышления.

С купцом Захарией Козарином договорились о торговых делах. Захария посылал в Новгород своих людей, мыслил скупать воск и дорогие меха, везти их по весне Волгою в Саксин⁸⁹ и дальше, за Хвалиское море, в Персию. Всюду были у Захарии связи, он называл имена, города, товары. Чувал Яровит: если поставит дело как подобает, польются в скотницу⁹⁰ обильные ручьи звонкого серебра. И на Персии и Саксине он не остановится, будет снаряжать купецкие караваны в западные земли – к поморянам, свеям, в Германию, во Фландрию. Он хорошо понимал, что главный источник богатства тут, на севере Руси, как раз торговля, ведь добрых урожаев на болотистой, продуваемой холодными ветрами Балтики земле не соберёшь. Зато различные ремёсла, охотничьи промыслы, бортничество – это он намерен был поощрять и развивать. Благо власти у него в Новгороде будет поболее, чем даже и у князя.

Вдруг подумалось о князе Всеволоде. Тогда, перед отъездом его из Чернигова, младший Ярославич назвал его другом и помощником. И не предаёт ли теперь он, Яровит, своего благодетеля? Не попирает ли он стопами былую дружбу, когда руками Святополка переманивает на новгородскую службу англоv и мыслит заключить договор со Всеславом Полоцким? И не хочет ли он в грядущем оторвать Северную Русь от Южной, Новгородские земли от Киева? Не Всеславовым ли путём он идёт?

Нет, нет, не в том дело! Он не раскольник, не смутьян, не переветник!⁹¹ Просто он думает, знает: как раз здесь, на севере, в этих непролазных дебрях – будущее Русской земли, её народа, грядущая её слава. А коли так, то и хочет он, чтоб и воины удатные приходили сюда на службу, и народец селился в городских посадах, спасаясь через леса и реки от половецких набегов и княжеских усобиц. И мир на земле нужен, вот для того и направлены будут послы в соседний Полоцк. И если князь Всеволод этого не понимает – значит, то его беда и вина. Ибо канули в Лету времена, когда все города и веси тянули к Киеву. Объединить Русь, забрать власть в одни руки – это глупые бредни и несбыточные мечты! Он, Яровит, хотел блюсти с Киевом мир, торговать хотел – не воевать, как в гордыне погрязший покойный Глеб. Но и свободы хотел; хотел, чтоб руки у него были развязаны, чтоб не указывали ему из Киева, как быть и что делать.

⁸⁹ Саксин – средневековый город в низовьях Волги, существовал в X–XIII веках.

⁹⁰ Скотница – казна.

⁹¹ Переветник – изменник, предатель.

Они обогнули Ильмень-озеро; лес расступился, убежал вправо, в синюю даль; заискрился впереди широкий Волхов, запестрели многолюдные пригородные слободы. В морозное небо возносились купола тьмочисленных деревянных церквушек, долгой чередой тянулись починки с глухими заборами, по дорогам со скрипом проезжали крытые рядом⁹² телеги.

– Слава Христу! Конец близит пути нашему! – Святополк, накинув на плечи медвежью шубу, высунулся в дверь возка. Его мутило – вчера с Магнусом излиха выпили мёду.

– Нельзя мне пить. Всякий раз, как выпью, жженье огненное, – пожаловался он жене, держась за бок и досадливо морщась.

Княгиня Лута, в парчовой шапочке, с золотыми звенящими серьгами в ушах, заботливо, с осторожностью подала ему горячий травяной отвар.

Святополк большими глотками быстро опорожнил чашу, скривился от горечи во рту и повалился обратно на лавку.

Впереди показались строения Городища. В предвкушении покоя и отдыха молодой князь смежил веки.

⁹² Рядно – грубый холст.

Глава 14. Милана-Гликерия

Молодая жёнка в чёрном вдовьем повойнике на голове стояла, опираясь на толстую сучковатую палку, возле Восточных ворот черниговского посада. Большие серые глаза с долгими бархатистыми ресницами устало и равнодушно скользнули по веренице всадников в дощатых бронях⁹³, в шеломах с кольчужными бармицами⁹⁴, которые вихрем, вздымая тяжёлую осеннюю пыль, пронесли к Кромному городу. Обернувшись, молодлица посмотрела им вслед. Уголок алого рта кривился в злой презрительной усмешке.

Чёрное одеяние не сокрыло Миланиной красоты, а постигшее её горе – гибель во время осады Чернигова любимого мужа, Олегова дружинника Ратши – только острее очертило линии лица. Глаза стали словно бы больше и выразительней, прямой нос утончился, побледневшие щёки чуть впали, сильнее, чем раньше, подчёркивая её молодость.

Всадники скрылись за стеной внутреннего города. Милана свернула с дороги и быстрым лёгким шагом двинулась к ограде кладбища. Остановилась круто у решётчатых чугунных врат, осенила себя крестным знаменем, пошла дальше, петляя между разбросанными в беспорядке могилами.

У свежего надгробья с каменным, доброй работы крестом она опустилась на лавку. Долго смотрела, сдерживая слёзы, на скромную надпись на кресте: «Мечникъ Ратша». Тишина стояла вокруг, только вороний грай доносился из недалёкой осиновой рощицы.

Не выдержав, Милана закрыла лицо ладонями и разрыдалась. Овладели ею боль, отчаяние, горький, как полынь-трава, ком стоял в горле, перехватывая дыхание.

Одолела себя, встала со скамьи, выпрямилась в струнку. Заговорила шёпотом, твёрдо и спокойно:

– Прощай, Ратша мой любимый! Николи боле не свидимся мы. Даж к могилке твоей, и то, видать, не судьба мне хаживать. Но ведай: отмщу я за кровушку твою мезью лютою! Получит убивец проклятый за гибель твою полную мерою! В том роту⁹⁵ даю! Прощай!

Она бросила последний взгляд на крест с надписью, снова с усилием сдержала слёзы на глазах, прошла ещё к соседней, отцовой могиле, положила цветы, а затем, резко повернувшись, едва не бегом ринула назад, за ограду кладбища.

Шла, запыхавшись, опираясь на палку, вверх по склону приречного холма. Остановилась, устало вытерев с чела пот, на самой круче. Перевела дух, огляделась по сторонам; видя, что никого поблизости нет, юркнула в маленькую пещерку, вырытую в давние времена каким-то благочестивым монашком.

В нос ударил тошнотворный запах тления. Раздвинув густые кусты орешника, Милана подошла к лежащему в пещерке телу молодой женщины. Этот труп она обнаружила у речного берега пару дней назад и отнесла сюда, сокрыв ото всех. Умершая была либо утопленница, либо погибла она во время недавней осады Чернигова – может, задохнулась в дыму или разбилась, упав с кручи. Хотя ран на теле у неё нигде не было видно.

Милана отыскала в пещерке заготовленную наперед большую корзину с домотканым крестьянским саяном и простенькой обшарпанной шубейкой, быстро переделась, а затем, преодолевая страх и отвращение, нарядила труп в своё платье и повой⁹⁶. Подумав, отцепила золотые серёжки – Ратшин подарок, с горечью и сожалением вставила их в уши умершей женщины. После, взяв острый камень, до неузнаваемости изуродовала лицо покойницы. Истерев

⁹³ Дощатая броня – панцирь из гладких металлических пластин.

⁹⁴ Бармица – здесь: кольчужная сетка, защищающая затылок и шею воина. Крепилась к шлему.

⁹⁵ Ротá (др.-рус.) – клятва.

⁹⁶ Повой – головной убор замужней женщины, платок.

в кровь пальцы, отбросила камень, поглядела на труп, улыбнулась удовлетворённо: «Теперича не признают. Помыслят, я будто се».

Смеркалось. Милана осторожно, стараясь не шуметь, перетащила тело к реке и положила в воду у самого берега. Ещё раз огляделась, прислушалась, сильнее надвинула на чело чёрный плат.

Лениво лизала песчаный берег речная волна. Пахло тиной, холодный ветер плескал в лицо. Милане сделалось страшно, она содрогнулась, покачнулась, едва не упала, судорожно ухватившись за палку. Вдруг только что такая важная, необходимая ей месть стала казаться пустой глупой мечтой взбалмошной отчаявшейся жёнки. Неужели всё это переодевание, этот труп, качающийся на волнах – её, Миланы, затея?! Нет, нелепо, бессмысленно поступает она! Ведь Ратшу она не вернёт, а больше... Больше нету у неё ничего в жизни!

Чада – их воспитают мать и тётки – благо все они не стары и не бедны.

А Яровит – так ли уж он виноват? Видела Милана, как отодвинул он от Ратши негодяев-ростовцев, видела и то, что был у них с Ратшей честный поединок, и ещё – что Ратша напал на Яровита первым. Но если, если не мстить, то что же ей остаётся?!

В какое-то мгновение Милане захотелось броситься с размаху в речную глубину, уйти прочь от этого жестокого равнодушного к её беде и горю мира.

Пересилил опять-таки страх, и ещё она знала: покончить с собой – значит погубить свою душу.

Да что она, в конце концов, так распустилась! – одёрнула себя молодича. Откуда страхи, откуда мысли безлепые?!⁹⁷ Всё делает она правильно. Так и должно быть! Не уйдёт убивец от ответа!

С трудом заставив себя отбросить прочь сомнения и колебания, Милана решительно вскарабкалась обратно на гору.

...Мать, боярыня Анастасия, горько рыдала в углу.

Милана твёрдо, вскидывая голову, говорила:

– Сребро возьму, поеду в Новый город. Сказывать буду: вдова я купецкая. Нарекусь именем крестильным, Гликерией. В Новом городе как ни то обустроюсь. Чад, аще⁹⁸ что, привезёшь ко мне. Негоже им без матери-то. А может, и по-иному содеем. Что, аще не удастся месть моя, аще Бог от мя отворотит? Ну, да тамо поглядим. Пущай покуда думают, будто утопла я. Об одном прошу, мамо: жёнку ту схороните по-христиански, как подобает. Ну а я ныне же ночью отъеду. Никому обо мне не сказывай. Токмо один Издень-возчик пущай ведает. Издень – человек верный. Даст Бог, доведёт до Нова города.

– Без охраны-то, дочь, как и ехать?! Тати на дорогах, убивцы! – запричитала мать.

– В Смоленеске ладью найму. А до Смоленеска дорога добрая. Издень мигом домчит, – стала успокаивать её Милана.

Она через силу попыталась улыбнуться, но внезапно не выдержала, всхлипнула и, закусив губу, выскочила в тёмные сени.

...Богатая купецкая вдова Гликерия поселилась в Загородском конце Новгорода, в свежесрубленных двухъярусных хоромах. По весне снарядила она вместе с соседом-купцом торговый корабль на Готланд⁹⁹ – благо сребра хватало. Меха и воск повезли в заморские страны прилежные купецкие слуги.

Мысли о мести на время отступили, затаились где-то на самом дне страждущей души. Поразмыслив, Гликерия отписала в Чернигов матери. Просила привезти в Новгород сыновей –

⁹⁷ Безлепые – нелепые, глупые.

⁹⁸ Аще (др.-рус.) – если.

⁹⁹ Готланд – остров в Балтийском море, в раннее Средневековье – крупный торговый центр.

без них становилось ей скучно, уныло и одиноко. Вот будут они рядом, жизнь её наладится, а месть – месть подождёт. Не пришёл, не настал ещё её срок.

Гнала прочь Гликерия всякие мысли о прошлом: о Ратше, о Яровите, о смерти. Ведь была она молода, красива, умна.

Как выходила на крытые досками широкие новгородские улицы, в цветастом расписном саяне или в дорогом, саженом жемчугами летнике¹⁰⁰, так ловила повсюду восторженные мужские взоры, слышала за спиной восхищённый шепоток. И становилось почему-то от этого на душе светло и тепло, хотелось беззаботно и весело смеяться, как ребёнку, радуясь солнцу над головой.

А вослед ей неслась звонкая песня:

Станом она становитая,
И лицом она красовитая.
Походка у неё часта и речь баска.

И всё бы хорошо, да накатывали порой вечерами, бредили душу воспоминания. Перед глазами вставали картины осады Чернигова союзными ратями Изяслава и Всеволода Ярославичей, она видела Ратшу, падающего на жухлую осеннюю траву, Яровита с окровавленной саблей в деснице. Прошлое не хотело отступать, уходить от неё, и она верила: пройдёт, настанет час её сладкой, упоительной, неотвратимой мести.

Так и жила она, тая от всех свои желания, в тревожном терпеливом ожидании грядущих событий.

¹⁰⁰ Летник – старинная верхняя женская одежда, длинная, сильно расширяющаяся книзу.

Глава 15. Новые заботы Мономаха

Вначале князю Владимиру Мономаху было страшно проезжать по пустынным притихшим улицам черниговского посада, осматривать чёрные пепелища на местах бывших строений, озирать закопчённые стены крома¹⁰¹ и покосившийся, пострадавший при пожаре собор Спаса. Думалось со скорбью: неужели это он (он, Владимир Мономах!) велел жечь эти дома, церкви, ломать заборы?! Руки опускались, он не знал, как ему теперь быть, что делать. Ведь даже смотреть в глаза горожанам – и то не мог. Только и слышал за спиной обидные, задевающие за живое слова: «Ворог!», «Кровопивец!», «Злодей!» Упрямо сжимал уста, стискивал руки в кулаки, крепился, терпел.

Первым делом велел подновить собор, собрал лучших камнесечцев из окрестных сёл и городов. Следом стали отстраивать крепостные стены.

Людины и ремесленники роптали: Владимир отрывал их от привычных дел, велел валить лес, копать землю, забирал на строительство коней и подвод.

Жужжали пилы, стучали топоры, лопаты. И вот уже, как прежде, вознёсся к небесам собор Спаса с шеломовидным главным куполом на толстом барабане, с боковыми остроглавыми башенками, устремлёнными в голубой небесный простор. Желтели в вышине золотые кресты, а рядом горделиво реяли на вновь отстроенных и подновлённых городских башнях стяги.

Работа спорилась, разрушенный и разграбленный Чернигов оживал. Владимир с утра до ночи пребывал на строительстве, носился как угорелый взад-вперёд, давал короткие указы, а иной раз и сам с дружинниками брался за бревно. Вечерами, усталый, измождённый, с ломотой в спине, падал он на жёсткое ложе в наскоро срубленной для него избе и мгновенно, не чуя рук и ног, проваливался в глубокий безмятежный сон. А поутру всё начиналось сызнова.

К зиме город был почти отстроен, мало-помалу былая мирная жизнь в нём налаживалась, и это радовало молодого князя. Беспокоило иное – всё-таки Чернигов был и оставался для него чужим, враждебным городом, городом Святослава и Олега. Певцы пели песни, прославляя бывших витязей и князей, бояре злобно шептались по углам, простолюдины не могли простить Владимиру своих спалённых жилищ и погибших родичей. Да, дел в Чернигове был у него непечатый край.

По первому снегу прикатил из Киева княжеский поезд. Гида, как всегда, холодная и не улыбкающая на людях, поднялась по ступеням обновлённого дворца. Дядьки вели под руки облачённых в кожаные крохотных княжичей Мстислава и Изяслава. И сразу шумом наполнились тихие доселе палаты. После, в горнице, Гида положила голову мужу на плечо и шёпотом, сдерживая слёзы, сказала:

– Скучала. Ночи не спала... Ждала... Каждой грамоты твоей.

Потом была ночь, объятия в ложнице, скупые слова любви, смущённое признание Владимира:

– Отвык я от этого, лада. – И в ответ шепоток:

– И я тоже.

Уже они лежали, оба успокоенные и умиротворённые, когда Гида вдруг спросила:

– Скажи, как князь Изяслав погиб.

– С чего ты о нём? – встревожился Владимир. – Экие у тебя мысли. Да не думай ты, прошло, схлынуло нахождение ратное. Одолели мы врагов. Мир грядёт.

Но Гида упрямо замотала головой.

– Я знаю. Это твой отец, он убил.

¹⁰¹ Кром – кремль.

– Что ты городишь?! – Владимир в гневе вскочил с постели. – Кто такое сказывал?! Говори! Кто навет сей мерзкий выдумал?! Кто хочет нас с князьями Петром и Святополком рассорить?!

– Я... случайно... Слышала я... Как твой отец... в покое молился... Несла ему книгу... Апостола... Услышала... Говорил он: «Не хотел убивать его! Бес меня попутал! Изяслав, брат!»

Владимир судорожно ухватился пальцами за резную спинку кровати. Стоял, не шелохнувшись, с внезапным ужасом, пронзившим сердце; наконец, выйдя из оцепенения, поспешил успокоить притихшую жену:

– Ты... Верно, ошиблась ты... Не то услышала.

– Нет, нет! – решительно замотала головой Гида. – Я ясно слышала. Тихо было, ночь... И шёпот жаркий... Не ошиблась я.

– Ну дак, верно, попросту не уразумела ты. – Владимир с усилием преодолел волнение, сел и приобнял дрожащую княгиню за плечи. – Верно, скорбел отец о том, что погиб князь Изяслав за его дело. Ведь вступился он за отца, повёл рать киевскую на Чернигов и вот... сгинул. Потому и корит себя отец, и кается пред Господом.

– Ты... Уверен в этом? – Гида отодвинула его руки и продолжила с внезапной суровой решимостью в голосе: – Владимир, муж мой! Я хочу, чтобы ты поклялся... Поклялся, что ничего не знал! Что в гибели князя Изяслава неповинен! Вот, поцелуй!

Она положила на ладонь нательный Владимиров крестик и поднесла к его лицу.

– Поцелуй, – требовательно повторила шёпотом.

Владимир прикоснулся к кресту губами, прошептал: «Клянусь!» – и Гида, тотчас успокоенная его словами, откинула голову на подушку.

– Ты не обманываешь меня, я знаю, – сказала она. – Ты не такой, как мой отец, король Гарольд. Вот он нарушил клятву, которую дал герцогу Вильгельму. И потом он погиб в бою с ним. Страшно это!

– Страшно, да. Но ты о том не мысли. Нет бо на мне греха сего тяжкого. А отец... Что ж, может, ты не то услышала, а может... Да кто ведаёт? Одно скажу: не нам судить отцов наших. Спи давай.

Владимир любовно провёл ладонью по впалой Гидиной щеке.

...Княгиня уже давно безмятежно спала, тихонько посапывая, чуть приоткрыв рот, а Владимир всё лежал в смятении, забросив руки за голову и тупо глядя во тьму.

«Что ж ты наделал, отче?! Как же нам теперича жить?! Как тем же Изяславовым сынам в глаза глядеть?! – Немые отчаянные вопросы один за другим мрачной чередой выстраивались в возбуждённом мозгу. – Ты хотел земле блага?! Но рази ж мочно... рази мочно благие дела кровью, убийством вершить?! Нет, нет, отче! Но мне ли тебя судить, отче, княже великий?! Ты прав! Се страшно, дико, но – прав!!! С таковым бо князем, как Изяслав, не стоять земле Русской!»

Он заснул только перед рассветом, и снились ему объятый огнём черниговский посад и умирающий дядька-вуй его, воевода Иван, шепчущий: «Люби землю нашу! Ворогам ходу не давай!»

...Днём примчал на взмыленном коне неожиданный гонец из Смоленска. Под городом объявился Всеслав с полочанами. Горят сёла, деревни.

Тяжкие ночные думы пришлось отложить. Стиснув зубы, вцепившись руками в поводья, летел Владимир по заснеженным приднепровским холмам. Алое корзно колыхалось у него за плечами. Не было мира на земле, только мечтать приходилось о спокойной тихой жизни. Гнев охватывал душу, и не было больше ничего – одно ожесточение, одно желание ответить ударом на удар.

Громыхая оружием, неслась вдоль берега княжеская дружина.

Глава 16. Ударом на удар

Опять всё возвращалось на круги своя: погони, стычки, пожары. Словно и не было прежних миров, утомительных походов и жарких сеч; прошлое повторялось, раз за разом, с пугающим размахом, неподвластное человеческой воле, как-то само по себе, и в дикой стихийной круговерти ломались и обрывались людские жизни.

Ещё издали Владимир узрел под Смоленском багряное зарево. Город, подожжённый с четырёх сторон, весь был охвачен дымом и пламенем. Всеслав, створивши злое дело, уже скрылся в полоцких лесах. Владимир, не мешкая ни часа, приказал дружине пересесть на свежих коней и ринуть в погоню. Скакали через лесные пущи, все в снегу и в поту, бешеным галопом.

Дорбóгой дружинники жгли полоцкие сёла. Владимир хмуро и безучастно смотрел на плач и стоны смердов, на пылающие дома и уводимую скотину, на трупы. Уже не казалось творимое, как раньше, ужасным непоправимым грехом – просто он мстил Всеславу за сожжённую Смоленщину, за его волчьи наскоки, за пролитую кровь.

После стало-таки не по себе, подумалось: «Что ж мы, князи, зверей хуже?!» Но то будет после, пока же он не испытывал в душе ничего, кроме гнева, кроме яростного желания ответить на Всеславовы лиходейства той же мерой, разорить и опустошить его волость. Такова была жизнь – жестокая, несправедливая, от которой временами хотелось убежать, упрятаться за стеной монастыря, но которая захватывала, обволакивала, завораживала его, молодого двадцатипятилетнего князя, заставляя снова и снова окуна́ться в свой бешеный клокочущий круговорот.

...Всеслав бежал, укрывшись в дремучих пущах, перегородив путь преследователям засеками и колючими триболлами¹⁰². Не один Владимиров конь хромал, иных пришлось убить, оставив на съедение голодным волкам, серые стаи которых упрямо следовали за ратью.

В отместку за Смоленск Владимир сжёг и обратил в пустыню Логожск и Меньск¹⁰³. Ополонившись, дружина повернула назад, к Чернигову.

За спиной оставались разрушенные и разграбленные города. Мира не было, шла по русским равнинам жестокая, косившая люд брань.

...Людей Владимиру становилось жалко, он не мог смотреть на страдания жёнок, не мог равнодушно слушать душераздирающий детский плач, но когда слышал слово «народ», то исполнялся гневом и презрением. Спрашивал сам себя: что есть этот самый народ? Есть людины¹⁰⁴, есть посадские ремесленники, купцы, бояре. Есть полочане, смоляне, вятичи¹⁰⁵, кияне, черниговцы. У них единая мольвь, но разные устремления и помыслы. Под народом же Владимир разумел нечто враждебное и стихийное, ту подобную морской буре или всепожирающему пламени силу, которая когда-то свергла с престола Изяслава, а десятью годами позже со стрелами, топорами и дубинами загородила ему путь на черниговских стенах. И с народом таким готов был молодой князь сражаться, не жалея себя.

В будущем ему предстоит увидеть и узнать иной народ.

¹⁰² Триболлы (*греч.*) – металлические шарики с острыми шипами, которые преследуемые бросали под ноги лошадям преследователей и калечили их.

¹⁰³ Меньск – Минск.

¹⁰⁴ Людины – на Руси свободные общинники, основная часть населения. Их зависимость от феодалов заключалась в уплате дани.

¹⁰⁵ Вятичи – восточно-славянское племя, жило по верхнему и среднему течению р. Оки.

Глава 17. Красавица Сельга

На степных полях зеленел ковыль, синели васильки, на курганах, покосившись, застыли уродливые каменные изваяния. Стояла весна, степь благоухала травами, негромко токовали перепела, щебетали в чистом безоблачном небе жаворонки; простирая крыла, парил над полями хищный степной орёл.

Заголубел впереди Донец. Широко и привольно разлился он посреди бескрайней равнины. Показалась крепость с невысоким земляным валом, около неё во множестве виднелись разноцветные юрты, слышались удары кузнечного молота и скрип телег.

– Шарукань¹⁰⁶, – указал грязным перстом проводник.

Роман кивнул и, в нетерпении поджав губы, натянул поводья.

– Князь, надо торопиться, – подъехал к нему тонкостанный молодой грек в запылённом дорожном воголе¹⁰⁷. Чёрные вьющиеся волосы непокорно спадали ему на лоб из-под плоско-верхой войлочной шапки.

– Ханы могут откочевать с зимовий на летние пастбища. Трудно будет потом найти их. Как перекасти-поле, носит их по степи.

– Ведаю о том, Авраамка. Эй, отроки! – обратился Роман к ехавшему следом небольшому отряду воинов. – Разобьём тут стан, поставим походные вежи. А ты, – сказал он проводнику, – поезжай в город, поищи там солтана Арсланапу. Или хана Осулука. Или, на худой конец, бека Сакзю. Скажи: князь Роман измыслил идти в Русь.

Проводник поклонился, в знак почтения приложив руку к сердцу, взмыл на коня и галопом помчал к деревянным воротам – только пыль стояла столбом.

– Пустое это дело, князь. – Авраамка спешился, снял шапку и вытер ладонью потное чело. – Ханы не выйдут в Русь весною. Будут ждать осени. Посмотри на их коней – они изголодались за зиму на подножном корму, тощи и худы, скачут медленно. Вот накрутятся свежей травы, тогда, может, пойдут за тобой.

Роман с заметным неудовольствием слушал разумные слова молодого гречина. Красивое лицо его брезгливо поморщилось, уста презрительно скривились.

– Ты говоришь так, потому что ты – трус! – крикнул он, перебивая Авраамку. – Половцы – смелые воины, и за богатой добычей они пойдут хоть на край света! Пообещаю им большой полон, отдам на разор Всеволодовы сёла и деревни!

Авраамка вздохнул. Нет, никак не отговорить ему Романа от этой глупой затеи. Видно, твёрдо решил молодой князь пролить русскую кровь. Нетерпелив и криклив, как боевой петух.

Обернувшись, грек оглядел Романовых воинов. Все, как на подбор, крепкие удалыцы. Таким ничего не стоит вмиг снести с плеч чью угодно голову. Все черниговские выкормыши, служили ещё в дружинах Романова отца, князя Святослава, исходили с ним сотни вёрст, за плечами у каждого – десятки кровавых сеч.

«“Под трубами повиты, под шеломами взлелеяны, с конца копья вскормлены”, – вспомнил Авраамка слова старинной песни, взирая на харалужные шеломы и дощатые брони ратников. – Лихие люди. У таких один ветер шумит в головах. Сеча для них – пир и утеха. Мне ли, сыну церковного писателя, с ними по пути?!»

Один из воинов, широкобородый кражистый мечник, подошёл к Авраамке и хлопнул его по плечу.

¹⁰⁶ Шарукань – половецкий город, точное местоположение неизвестно. Возможно, располагался вблизи современного Харькова.

¹⁰⁷ Вогол – верхняя дорожная одежда, грубая, из валяного сукна.

– Что, грек, закручинился? Воротимся вборзе¹⁰⁸ в Русь, ещё попируем в Чернигове, Всеволода прогоним с великого стола, посадим князя Романа! Девоч красных любить будем! Эх, был у мя друг – Ратша! Силён, скажу вам, братья, – таковых боле не видывал. Зарубил Ратшу прошлым летом лютый ворог, Яровит, Всеволодов прихвостень! Кровник он мой отныне! Встречу где – голову срублю!

– Вот-вот, срублю, – пробормотал, укоризненно качая головой, Авраамка. – Одни помышления у тебя только – рубить, сечь, колоть, резать.

– Такие уж мы люди, – смеясь, молвил другой воин. – Пото и место наше – в поле ратном. Из ворот крепости выехал, трясаясь на тощей кобылёнке, молодой половец. Кольчужный юшман его поблёскивал в лучах вешнего солнца. Следом за ним ехал Романов проводник.

– Эй, каназ Роман! – крикнул половец в юшмане. – Хан Осулук и солтан Арсланапа ждуть тебя.

– Еду! – коротко отрезал Роман. – Авраамка! Садись на конь! Поедешь со мной.

Гречин покорно сел в седло. Ему изрядно надоела нескончаемая тряска и бесполезные уговоры. Роман упрям, как непокорный степной конь-тарпан, он не слушает никаких разумных доводов. Нет, не такому властителю хотелось бы Авраамке служить!

«Звали ведь к уграм. Софья Изяславна, вдовая королева, хотела. Вот если вырвусь отсюда, уеду. Будь что будет».

Авраамка хмуро взирал на земляные валы и колья.

«Ну и крепость! Смех один! Взять такую на щит русскому воину – раз плюнуть. Наши ведь привычны брать и деревянные детинцы, а то и каменные».

Он невольно улыбнулся. Надо же, «нашими» назвал руссов. Но ведь для него руссы и вправду «наши», он вырос среди них, был окружён этими людьми с детства.

В глазах запестрело от множества юрт, кибиток, глинобитных домов.

В городе стоял невообразимый шум, ржали кони, ревел скот, раздавалось щёлканье нагаек, слышались громкие гортанные выкрики.

Прямо на телегах высились огромные шатры, около них лежали или ходили двугорбые белые верблюды. К одному из таких шатров в центре города и подвели Романа с Авраамкой. Тучный приземистый половец в калантыре и аварском шеломе жёстко, исподлобья осмотрел гостей, велел им спешиться и, откинув войлочную занавесь, повёл за собой.

Посреди шатра горел огонь. Вокруг него на подушках, поджав под себя ноги, сидели несколько половцев в халатах из бухарской зендяни и серского шёлка.

– Садись, каназ Роман. Да не застят тебе тучи звёзд на небе, – прохрипел старый хан Осулук, кустобородый, худой, как высушенное дерево, с морщинистым жёлтым лицом. – Говори, какое к нам у тебя дело. И ты садись, – сказал он Авраамке.

Грек внезапно почувствовал, как по спине его бежит предательский холодок. Стало страшно: вот сейчас возьмут и убьют их, зарежут, как баранов! Что стоит этим сыромяцам!

Но солтаны и беки¹⁰⁹ доброжелательно кивали головами, трясая узкими козлиными бородами.

– Достопочтимый хан! – начал Роман. Щёки его окрасил румянец волнения.

– О делах будем говорить потом, – мягко улыбаясь, перебил князя Осулук. – Сначала раздели с нами трапезу.

По его знаку прислужники, среди которых Авраамка заметил нескольких руссов, внесли чаши с кумысом и сладким, горячащим кровь красным вином. Затем появилось огромное блюдо, на котором лежал зажаренный целиком верблюжонок, следом подали жирную баранину и плов в большом котле.

¹⁰⁸ Вборзе – быстрее.

¹⁰⁹ Бек – у половцев – глава рода.

«Господи, прости! Пост ныне, но как откажешься? Убьют ведь, ироды!» – Авраамка, опасливо озираясь, перекрестился и взял в руку ароматно пахнущий сочный кус баранины.

Ели молча, половцы громко чавкали и урчали от удовольствия. Авраамка с насторожённой улыбкой смотрел на их острые, как у волков, зубы.

«Дикари, одно слово! Варвары!» – думал он.

После обильной трапезы многие половцы, встав и отвесив хану поклоны, вышли, остались только сам Осулук и Арсланапа.

– Каназ Роман! – начал Осулук. – Ты мой друг. Твой отец был мой друг. У меня нет от тебя тайн. Сейчас я покажу тебе наших красавиц. Хочешь, я отдам тебе самую красивую, самую лучшую?!

Он взмахнул рукой и крикнул что-то хриплым скрипучим голосом. За войлочной занавеской зазвенел бубен.

Перед изумлёнными Романом и Авраамкой выплыли шесть молодых половчанок в лёгких шальварах и коротких разноцветных рубашках. Они понеслись, закружились под звуки зурны в каком-то неистовом танце. Обнажились упругие животы с играющими мышцами, под тонким шёлком колыхались груди, улыбки скользили по скуластым смуглым лицам. Особенно хороша была одна половчанка – гибкая и стройная, вертелась она в танце вокруг Романа, пурпурный шёлк струился перед его жадно впившимися в красавицу глазами.

– Кто сия молодлица? – не выдержав, шёпотом спросил он Осулука.

Хан хлопнул в ладоши. Красавицы исчезли за занавесью.

– Вижу, тебе приглянулась Сельга. О, это знатная кипчанка! Калым, за неё надо платить калым! Большой калым!

– Я заплачу. Отдай её мне.

– Ой, ой! – смеясь, погрозил грязным перстом Осулук. – Ты спешишь, каназ. Ты всегда такой торопливый. Хорошо, ты получишь Сельгу.

«Ишь, старый боров. Нашёл чем прельстить, – подумал с усмешкой Авраамка. – А девка в самом деле хороша. Вот только зачем он суёт её Роману? Видно, у хана свои замыслы».

– Достопочтимый хан! – Роман поднял руку. – Имею к тебе дело. Я знаю, твои воины смелы, а твои кони быстры, они обгоняют степной ветер. Мне нужна помощь, я хочу воротить стол моего отца, Чернигов. Хочу выгнать из Киева князя Всеволода. Его люди убили моих братьев – Глеба и Бориса, прогнали в Тмутаракань ещё одного брата – Олега. Я не хочу быть изгоем. Хочу отомстить за братьев, за их смерть и поражения!

– Что дашь нам? – перебил Романа молчавший доселе Арсланапа. – Нужны рабы, полон, кони, богатая добыча.

– Отдам вам на разор сёла и деревни по Днепру, – не моргнув глазом, отчеканил Роман.

«Конечно, что ему люди – пахари там или ремесленники! Мечь, власть, глупые мечты затмили разум самонадеянного мальчишки! А потом – как княжить будет?! Над кем, над чем властвовать?! – с горечью думал, хмуро взирая на пламя костра, Авраамка. – Над одними руинами, полями выжженными, воронами хищными?! Нет, не такой мне нужен властелин. Имел бы о земле, о подданных своих заботу, оберегал бы их от вражьего меча. А этому – только бы отомстить да властью насытиться. Гордыней преисполнен, ума же – ни на грош!»

– Ты хорошо сказал, каназ! – улыбнулся Арсланапа. – Но сейчас наши кони скачут плохо, зима была холодная и голодная. В степи был джуг¹¹⁰, много коней пало. Поживи у нас, дожидись лета. Тогда выйдем в Русь. Я клянусь тебе в этом!

– Посадим тебя в Киеве, возьмёшь в жёны прекраснеликую Сельгу, – добавил Осулук. – Потерпи, недолго коршуну парить. Колчан охотника полон стрел. Недолго каназу Всеволоду сидеть в Киеве.

¹¹⁰ Джуг – зимняя бескормица скота, вызванная обледенением пастбищ.

Половцы переглянулись и залились пронзительным неприятным смехом.

«Будто птиц хищных клёкот! – набожно перекрестился Авраамка. – Ох, Русская земля! Напасть опять на тебя, многострадальную!»

Глядя на смеющихся половцев, натянуто улыбнулся и Роман. Приходилось терпеть, ждать. Этот ничтожный человечешко, паршивый грек, к сожалению, оказался прав.

...В свой стан Роман и Авраамка воротились уже вечером. Хмуρο стянув с плеч кольчатую бронь, Роман устало повалился на кошмы и тотчас захрапел. Авраамке же не спалось, он долго беспокойно ворочался, наконец не выдержал, встал и тихонько выбрался из вежи¹¹¹.

Красная луна горела над степью, с шуршанием гнулись под порывами ветра высокие травы, с реки доносились негромкие голоса половецкой сторожи.

Неизбывная тоска светилась во взоре пылающих чёрных глаз Авраамки.

Идти против Руси – нет, он убежит от Романа, уйдёт, как только представится такой случай, нечего делать ему среди этих грубых воинов и диких степняков. Его место – княжеская библиотека, книги в деревянных окладах с медными застёжками, свитки; не меч, но гусиное перо – его оружие. Эх, страсти, неистовые страсти! Пламенная любовь к русской красавице-княгине, Роксане, вдове князя Глеба – вот что вынесло его на степные вольные просторы. Где она теперь, Роксана? Наверное, доживает век свой за непроницаемой монастырской оградой, ходит в чёрном повое, скрывающем проседь в шелковистых русых волосах.

О, как она прекрасна! У неё серые с голубинкой, чуть насмешливые глаза, немного припухлые уста, прямой тонкий нос, изогнутые дуги бровей, она стройна и статна. А её изящные ножки, обутые в красные сафьяновые сапожки! А длани её с длинными тонкими перстами, ласковые и сильные! Нет, не забыть этой невиданной красоты! Иной такой Роксаны нет в мире.

Громко зашуршала около вежи высокая степная трава. Авраамка порывисто обернулся.

«Какой зверь или лихой человек?» Он крадучись, затаив дыхание, пробрался поближе к вежам.

Из густых зарослей показалась голова в мохнатой лисьей шапке.

– Где каназ Роман? – до ушей Авраамки долетел мягкий девичий голосок.

– Он здесь, в веже, спит. Что ему передать? – отозвался, выпрямившись во весь рост, грек.

Он узнал быстроглазую красавицу Сельгу. Половчанка подошла к Авраамке вплотную и тронула его за рукав вотола.

– Веди меня к каназу! Я убежала из стана, никто не видел! О, как он красив! Какое у него лицо! Каназ, настоящий каназ! Батыр!

Она прерывисто, тяжело дышала. Лёгкая шёлковая рубаха вздымалась на её груди, алые уста подрагивали от волнения.

Авраамка побежал будить Романа.

– Кличь вборзе её! – продирая заспанные глаза, вскричал князь. – А сам покуда возле вежи постой, посторожи. Не понаехали б её родичи, не хватились бы!

Роман довольно потирал руки.

Сельга не вошла – ворвалась в вежу.

– Каназ, хочу тебя! Не могу ждать! Бери, бери меня всю!

Она разорвала на груди рубаху. Перед глазами восхищённого князя заколыхалась озорная огнём очага большая упругая грудь с округлыми сосками. Полетели в сторону шальвары, обнажились хорошенькие смуглые ножки. Вне себя от восторга, весь во власти неукротимых страстей, Роман крепко стиснул Сельгу в объятиях. Половчанка завизжала, засмеялась, откинув назад иссиня-чёрный каскад волос, он повалил её на кошмы и впился в сладкие чувственные уста.

¹¹¹ Вежа – воинская палатка.

...Авраамка почти до рассвета просидел, кутаясь в продымлённый старый вотол, у входа в вежу. Зубы его отбивали барабанную дробь, в мыслях он проклинал половчанку за безоглядность, но вместе с тем и дивился её нахальной смелости.

«Огонь-баба! Только таких и любят могутные храбры¹¹². Как называют их в русских былинах?.. А, вспомнил – поленицы. Воистину, поленица и есть. Никакого страха в душе».

Он, Авраамка, тоже любил такую женщину – отчаянную, бедовую, с открытой душой, но в Роксане была ещё величавость, спокойная строгость и светлая северная красота. У половчанки, конечно, ничего такого нет и не могло быть, она более порывиста, страстна, резка в движениях.

Авраамка усмехнулся, внезапно удивившись сам себе: как мог он сравнивать этих двух женщин?! Что между ними общего?! Кто вообще может сравниться с Роксаной?!

Воистину, от безделья всякая нелепица лезет в голову.

...Незадолго перед рассветом на плечо задремавшего было Авраамки легла смуглая женская ладонь, унизанная перстнями с рубинами и смарагдами.

– Мне пора. Проводи до вала. – Сельга потянула его за руку.

Петля между вежами, они окунулись в синюю предутреннюю мглу.

¹¹² Храбр (др.-рус.) – богатырь, храбрый, отважный воин.

Глава 18. Расплата за глупость

До середины лета скитался Роман, как одичалый, отбившийся от стаи степной волк, по половецким станам. Всюду его принимали с почётом, льстили, обещали помощь, но, когда речь доходила до дела, разводили руками:

– Сейчас, каназ? Нет, каназ, кони устали. Бескормица, джут. Подожди, потерпи.

Носились за Романом по степи его дружинники, хмурые, бронзоволицые от загара, трясся на своей кобылёнке, казалось, равнодушный ко всему земному Авраамка. Взгляд его, полный укоризны, словно бы говорил Роману:

«Говорил же тебе, князь: пустая эта затея».

Роман распаялся, гневался, грозил кулаком невидимому врагу, щедро рассыпал перед ханами звонкие монеты, но всё было тщетно. Половцы продолжали улыбаться и выжидать.

Уже совсем было отчаялся Роман, но вот единожды к его раскинувшемуся на донецком берегу лагерю подлетел на мохноногой приземистой кобыле старый бек Сакзя.

– Эй, каназ Роман! – закричал он. – Хан Осулук сказал: идём в Рус. Балшой полон брать! Каназ Всеволод лес гнать! Каназ Роман Киев сажать!

Роман, как был, босой, в одной белой посконной рубахе с косым воротом, выскочил из вежи. Сердце его радостно колотилось. Наконец настала пора возделенного мщения! Он щедро одарил доброго вестника и бросил через плечо мрачному Авраамке:

– Гоним в Шарукань! Вборзе!

Снова неслись они по степи, лица обжигал горячий суховец, на зубах скрипел песок, мучила жажда. Над степью стояло марево, катились шары дикого кустарника, громко шуршала под копытами вымахавшая местами в человеческий рост сухая трава. Дикое поле – Дешт-и-Кипчак – простиралось перед глазами, уходило за окоём, оно казалось безжизненным, но таило в себе грозные враждебные силы.

«Вложена в лук калёная половецкая стрела, – думал с горечью Авраамка. – Того и гляди, выстрелит. И наконечник этой стрелы – безрассудный и лихой князь Роман. Только как бы не обломилась стрела, не перерубил бы её харалужный русский меч».

...Хан Осулук был добр, улыбался, пил, прихлёбывая, из золотой чаши охлаждённый в земле кумыс, говорил просто и ясно:

– Пойдём на Сулу, на Воинь. Будем грабить сёла, деревни. Ты, каназ, поведёшь нас на Киев. И Сельга поедет с нами. Сделаем её княгиней!

Он смеялся, а Роман пил за его здоровье сладкое греческое вино.

...В конце июля половцы вышли в Русь. Роман со своей дружиной стал лагерем неподалёку от устья многоводной Сулы. В вечерних сумерках пылали окрестные сёла, доносились оттуда душераздирающие вопли и плач – там хозяйничали Романовы «друзья и союзники». Стаи воронья кружили в высоком небе, дымились леса, чёрные столбы пожарищ подымались над прибрежной равниной.

...Осулук и Арсланапа разбили свой стан под Воинем, на противоположном, правом берегу Сулы, и каждую ночь с тихим плеском плыла через реку рыбацкая лодка. С неё спрыгивала и бежала, ломая камыши, задыхаясь от радостного возбуждения, юная половецкая красавица. Роман ожидал её на вершине кургана, она летела в его объятия, как необузданная лихая кобылица, они падали со смехом в высокую траву и утопали до рассвета в сладком грехе.

Воинь затворился, на деревянных стенах виднелись ратники в булатных шишаках¹¹³. Половцы не приступали к осаде, чего-то выжидая. Медленно рысили за Сулой их низкорослые, откормленные на вешних лугах лошадёнки.

¹¹³ Шишак – вид шлема, остроконечный, с гребнем или хвостом.

«Чего они ждут? Тут нечисто, – соображал обеспокоенный Авраамка. – Не сговариваются ли за нашими спинами со Всеволодом?»

Догадки пронизательного грека вскоре подтвердились. В канун Ильина дня, первого августа, за Днепром взмыли в небо киевские хоругви с крылатым белым архангелом на светло-голубом фоне. Показалась кольчужная русская рать. Шли вместе с дружиной и пешцы, на солнце поблёскивали их бердыши¹¹⁴ и секиры.

На заречных холмах зажглись огни костров, ближе к вечеру у самой воды появились конные разъезды.

У Авраамки на душе было муторно, грызло его какое-то непонятное тягостное предчувствие.

В сумерках, как всегда, в лагерь Романа примчалась Сельга. На сей раз она не таилась, в миндальных глазах её светилось беспокойство, движения были быстры и порывисты, трепетные ноздри раздувались от волнения. В ушах девушки качались изумрудные серёжки, звенели на тонкой шее мониста, она говорила тяжело дыша, с тревогой и печалью:

– Каназ Роман! Беги! Я слышала... К хану Осулуку... приезжал боярин... Из Киева боярин... – Она пощёлкала пальцами, вспоминая имя. – Ра-ти-бор, – с трудом выговорила она. – От каназа Всеволода. Хан Осулук, солтан Арсланапа, бек Сакзя – все получили золото, серебро. Много серебра. Они клялись, взяли мир с каназом Всеволодом. Ночью они уйдут в степь. А каназ Всеволод завтра может напасть на тебя. Беги, Роман!

Сельга прижалась черноволосой головкой к Романову плечу, слёзы брызнули у неё из глаз, князь обхватил её за судорожно вздымающиеся вздрагивающие плечи.

Стоящий рядом на склоне кургана Авраамка решил вмешаться.

– Князь, надо уходить. Прекрасноликая Сельга права. Брось это дело. Видишь, ханы предали тебя. Я знал, чуял, что так будет. Давай, отъедем в Киев. Князь Всеволод не захочет твоей крови. Сядешь в Муроме или в Рязани. Великий князь не обидит тебя.

– Он правильно, мудро говорит, – подхватила Сельга.

– Замолчи, презренный трус! – не сдержавшись, заорал Роман.

Отстранив девушку, он выхватил плеть и с яростью полоснул ею Авраамку по лицу.

Молодой грек, закрывая ладонью окровавленную щёку, бросился прочь, стеноя от невыносимой боли и обиды. Надо же, советовал, хотел как лучше, был верен Роману во всём, старался исполнять все его прихоти, и вот: получил награду!

Не разбирая дороги, бежал Авраамка, приподняв полы долгой грубой свиты, прямо через поле, спотыкаясь о кочки, рая руки об острые стебли травы.

Наконец, устав, он сел, прислонился спиной к каменному истукану на кургане и горько разрыдался.

Тем временем Роман, багровый от гнева, мчался на коне через Сулу. Сельга спешила за ним, крича вослед:

– Не нада! Не езд! Стой! Тебя убьют!

Конь вынес всадника в половецкий стан. Спрыгнув наземь возле ханского шатра, Роман оттолкнул стражника и отдернул войлочную занавесь.

– Садись, каназ, – доброжелательно улыбаясь, сказал Осулук. – Давно жду тебя.

– Ты сидишь здесь, а киевские рати выстроились уже на том берегу! Пора идти в бой, хан! Ведь ты клялся помочь мне! – крикнул в ярости Роман.

Он отказался сесть и стоял перед ханом, красивый, гордый, широкоплечий, охваченный безудержным гневом.

Осулук спокойно отхлебнул из золотой чаши кумыс.

¹¹⁴ Бердыш – широкий длинный топор с лезвием в виде полумесяца на длинном древке.

– Ты нехорошо поступил, каназ. Ты обманул меня. Зачем ты проводишь ночи с Сельгой? Ты не платил за неё калым, не говорил с её отцом. Она – не твоя!

– Не о Сельге пришёл говорить! Потом, после с ней разберёмся!

– Мы взяли с каназом Всеволодом мир. Много золота дал каназ.

– Что?! Как смел ты, хан?! – вне себя от злобы, заорал Роман.

Он вырвал из отделанных серебром ножен харалужный меч, замахнулся на Осулука, но в тот же миг один из ханских телохранителей, застывших у входа, кривой саблей рассёк ему голову. Обливаясь кровью, Роман упал на хорезмийский дорогой ковёр.

– Уберите отсюда эту собаку! – приказал своим слугам Осулук. – Выбросьте его в поле, пусть голодные волки и птицы жрут его!

Он презрительно усмехнулся, глядя на красивое мёртвое лицо Романа, по которому густо сочилась кровь.

– Горячий был батыр! – вздохнул кто-то из телохранителей.

За занавесью закричала, забилась в рыданиях обезумевшая от горя Сельга.

Глава 19. Сардониксовый орёл

Выложенный из красного кирпича большой дом со стрельчатыми окнами и круглыми башенками, устремлёнными в голубой небесный простор, окружала высокая каменная ограда. Отделанные мрамором провозные ворота украшал затейливый меандр¹¹⁵, слева и справа от них тянулась кружевная чугунная решётка, к крутому крыльцу вела дорожка из гранитных плит.

Авраамка несмело потоптался под окном и вопросительно оглянулся на усатого стража.

– Княгиня тут?

– Тут, тут. Сей же часец доложат о тебе. Сожидай, – буркнул страж. – И чё от её нать?

– Да она меня узнает. С Нова города ещё, давние мы знакомцы. Чай, не забыла писателя Авраамку.

Распахнулась дощатая дверь. Дворский окликнул нежданного гостя:

– Входи. Княгиня Роксана хочет тя зреть. В палату ступай.

Авраамку провели в горницу с высоким побеленным потолком. На стенах висело оружие, серебрилась боевая кольчуга, в кожаном колчане виднелись оперения стрел.

Вдовая княгиня Роксана, в чёрном вдовьем платье и повое на голове, стояла посреди горницы. Прекрасное лицо её было бледно, кожа имела мертвенный желтоватый оттенок, большие, привычные к работе ладони нервно сжимали разноцветные чётки, на белках воспалённых глаз краснели тонкие жилки.

Авраамка молча рухнул перед красавицей на колени.

– Сей же час встань! – властно прикрикнула на него Роксана. – Говори, почто пришёл?! Какую весть недобрую несёшь, чёрный ворон?!

– Скажи, прекраснеликая, в чём моя вина пред тобой?! Княгиня, жалимая, лада моя! До скончания дней... – Авраамка упал перед ней ниц, ударившись лбом о пол.

– Перестань! Подымайся, кому сказано! – Роксана гневно топнула ногой в чёрном выступке¹¹⁶. – Да кто ты таков?! Червь книжный! Кознодей зловредный! Помню, как уговаривал ты меня передаться Всеволоду. Вопрошаешь, в чём вина твоя?! Так вот, ежели любя я тебе, поведай, как погиб муж мой, князь Глеб. Ничего не сокрывай! И поклянись на кресте святом, что не солжёшь! И помни: того, кто роту порушит, адские муки сожидают! Не будет тому спасенья!

– Хорошо, я скажу! Клянусь на святом кресте, только слова правды сойдут с моих уст! – Авраамка приложился губами к холодному серебру большого креста, поданного Роксаной.

– Сядь! – указала вдовая княгиня на скамью.

Авраамка несмело опустился на рытый иноземный бархат. Княгиня, положив руки на колени, села на лавку напротив.

– В глаза гляди! – резко прикрикнула она.

Их взоры встретились. О Боже! Как два кинжала, пронзают сердце Авраамки эти лучистые серо-голубоватые очи с долгими бархатными ресницами. Они прозрачны, как северные озёра в лесной русской глуши, в них – вся прелесть жизни, вся земная краса, величавость и строгость, смешинка и укор, гнев и пламень!

– Я знал, что Глеба хотят убить... – начал хриплым голосом грек.

– Знал – и не упредил меня! Ничего не сказал! – воскликнула Роксана. – И ещё о любви тут лопочешь?! Да как ты смеешь!

Глаза её полыхнули огнём.

¹¹⁵ Меандр – узор в виде ломаной линии.

¹¹⁶ Выступки – женская обувь без каблука.

И тут уже не сдержался Авраамка. Он вскочил со скамьи и заходил по горнице, размахивая руками; в голосе его слышалось едва скрываемое возмущение.

– Да, не упредил! И сейчас так же бы поступил! Ибо что Глеб был за князь?! Что сделал он доброго – для Новгорода, для Руси?! Ничем не славен был, кроме жестокости звериной! Отец мой, писатель церковный, стар и полуслеп был, переписывал Евангелие, сделал две ошибки, так он его пороть велел, на дворе, прилюдно! Отец позора не вынес, испустил дух! И что, я после этого князя Глеба возлюбить, возблагодарить должен был?! Прямо скажу, Роксана, лада милая: недостойн тебя этот князь, был он гневлив и чванлив, и крут не в меру! И не отца он моего опозорил там, на дворе красном, – себя!

Поднявшаяся с лавки Роксана испуганно отшатнулась.

– Не ведала я того, – прошептала она, бледнея, чуть шевельнув сухими устами.

– Нет в том твоей вины, – немного утишив клокотавший в душе гнев, Авраамка сел обратно на скамью и, смягчившись, продолжил: – В Новгороде все были против князя Глеба – и бояре, и купцы, и ремесленный люд. Потом пришла весть: едет к нам князь Святополк, а с ним вместе Всеволодов боярин, Яровит. Ну, меня и уговорили ворота крепостные тайком им отпереть. Славята, боярин, всё говорил: «Спасёшь княгиню Роксану от Глеба». Не знали тогда ещё, что князь Глеб в чужд бежал. А после... Сговорились убить князя.

– Кто велел убить?! – К Роксане вернулась прежняя твёрдость, она горделиво вскинула голову в повойнике.

– Славята и Яровит. Князь Святополк тоже ведал. Не хотел он поначалу смерти Глеба, Яровит его уговорил. А Яровиту, думаю, князь Всеволод повелел. Сам бы он на такое не осмелился.

– Почто тако мыслишь?! – Роксана гневно сдвинула соболиные брови.

– Убил князя Глеба Всеволодов гридень, Бьерн, нурман. В селе одном дальнем, на болоте, за Корелой.

– Тако и я мыслила. Всеволод! Одни несчастья принёс он дому нашему, – задумчиво, обращаясь словно бы сама к себе, сказала Роксана.

– Бьерна потом Славята зарубил...

– Хватит! Довольно! – поморщилась княгиня. – Противно слушать тя!

– Всё как на духу, одну правду тебе поведал. – Авраамка размахисто положил крест. – Потом за тобой следом в степи я ускакал, с тобой вместе до Тмутаракани добрался. Услыхал, ты на Русь вернулась. Ну а я к Роману вот пристал.

– Есть кара Божья! Постигнет она тебя, Ярославич! – зловеще шептала Роксана, смотря куда-то в темноту мимо растерянного Авраамки. – Глеб! Роман! Борис!

– Романа не хотел никто убивать. Он сам виноват. Я не смог его удержать и спасти. Каюсь в том.

– Неповинен ты в смертях сих, – внезапно потеплевшим голосом промолвила княгиня. – Спаси тя Бог, Авраамка! Открыл мне истину. Теперь уйду я...

– Куда, прекрасноликая?! Хочешь, я увезу тебя отсюда, из этого дома?! Далеко, за степи и горы! Туда, где не будут мучить тебя горестные воспоминанья!

– Нет, писатель, – грустно улыбнулась Роксана. – Путь мой в монастырь лежит. Княжна Янка в Царьград поплыла, толковала с митрополитом. Воротиться должна вот. И будет у нас на Руси своя обитель женская.

– Но ты молода, красна собою. Зачем губить свою красу за монастырской стеной?! – вскричал, снова вскочив на ноги, Авраамка.

Будто только сейчас заметил он красные жилки у неё на белках, увидел желтизну кожи, крохотные точечки угрей на тонком иконописном носу, морщины, седую прядь выбившихся из-под повойника шелковистых волос.

– Ты больна? Тебе нужен покой? – озабоченно спросил он.

– Нет, я болела, но Бог помог мне. Не отговаривай. Твёрдо умыслила я уйти от мира. В келье спокойней будет век свой доживать.

Сам не зная как, Авраамка порывисто обхватил Роксану за тонкий стан.

– Пусти! – Роксана попыталась вырваться. – Грех творишь, Авраамка!

– Хоть напоследок, на прощанье, дай расцелую тебя, лада!

Сладостный жаркий поцелуй ожёг уста женщины, она с приглушённым смешком ответила тем же. В эти мгновения Роксана вдруг поняла: есть в мире иная любовь, не такая, как была у них с Глебом – приземлённая, простая, без затей и красивых слов, немного даже грязная, полная пламенных страстей, но лишённая высокого полёта. Любовь гречина была совсем какая-то другая – ясная, чистая, как росинка.

– Не верила, а ныне вижу: правду баил ты. Велика любовь твоя, безудержна и безгрешна она! – изумлённо, с нежностью и лаской в голосе промолвила вдовая княгиня.

Да, Авраамка любил её, любил сильно, как не любил никто другой и не полюбит уже никогда. И разве вина его в том, что обстоятельства, судьба оказались выше их обоих? Что же, не выпало им счастье, но они пронесут в своих сердцах до скончания лет это чистое и светлое чувство, и этот поцелуй, его пламя будет согревать их в тяжкие часы.

– Куда ж ты топерича? – шёпотом спросила Роксана.

– В угры, в Эстергом. Софья Изяславна, королева вдовая, звала вот. Латынь я знаю, буду церковные книги списывать, переводить для королевичей. Может, ещё на что стожусь.

– Ну, тогда прощай. Не свидимся, верно, боле. Вот тебе от меня. Помни, носи у сердца.

Она вынула из резной деревянной шкатулки маленькую камею¹¹⁷ на серебряной цепочке. Сардониковый¹¹⁸ орёл простирает над морской пучиной широкие крыла.

– Да хранит тя Господь, Авраамка, – со вздохом вымолвила Роксана, повесив камею ему на шею.

Они долго стояли друг против друга на крыльце, не в силах отвести взоры. В глазах у обоих стояли чистые прозрачные слёзы.

Наконец Авраамка решительно поворотился, опрометью сбежал с крыльца и выскочил за ограду. Закрывая глаза руками, мчался он по пыльной улочке знакомым путём, горестно вздыхая. Навсегда угасла, истлела в душе где-то ещё теплившаяся доселе надежда на любовь и земное счастье. Только маленькая камея из сардоникса согревала его своим теплом, он чувствовал на своей шее любимые пальцы, ощущал прикосновение трепетных уст, видел как наяву потускневшее от горестей, но по-прежнему прекрасное лицо.

... Утром соловый иноходец унёс Авраамку в неведомую даль, за широкие поля, туда, где заходило каждый вечер солнце и пламенела багряная заря.

Уходил, истаивал в густом тумане одинокий всадник. А в высокой башне кирпичного дома тихо вздыхала, взглядывая вдаль, одинокая молодая женщина в чёрном вдовьем повойнике.

¹¹⁷ Камея – резной камень с выпуклым изображением.

¹¹⁸ Сардоникс – минерал, разновидность оникса, другое название – ленточный агат.

Глава 20. Свеи под Ладогой

Солнце стояло в зените над Святой Софией, золочёный главный купол собора, видный на многие вёрсты, слепил глаза. Обширные неохватные поля открывались за городом, ни пригорка никакого не было вокруг – только островки леса, да болота, да снова поля и поля до самого окоёма. Лишь у берега Волхова нестройной цепочкой шли пологие пригорки и холмики, то исчезали они, терялись посреди равнины, то возникали вновь. Ближе к Ильменю берег становился круче, и здесь, на самом высоком месте, располагалось обнесённое тыном Городище. Дома дружинников долгой чередой спускались к вымолу; наверху, за изгородью стояли бретьяницы¹¹⁹, оружейни, кузницы. И загородный терем княжой со въездными воротами, крутым крыльцом и гульбищем, немного простоватый, без украс и разноцветья, мрачной громадой раскинулся над Городищем, как хищный орёл, разбросавший крылья.

... В хоромах с утра царила суматоха, комонные¹²⁰ гонцы сновали по пыльной дороге так часто, что дружинники-англы и ворота не успевали иной раз закрыть.

Душно в княжеских палатах. Посадник Яровит, уже с раннего утра бывший у князя, вытирает с чела пот, хмурит смоляные брови, исподлобья глядит на шагающего в волнении из угла в угол Святополка.

Гонец-ладожанин, сжимая в руках шапку, сбивчиво рассказывал:

– Свеи... В озеро Невское¹²¹ вошли... Сёла мечу и огню предали... Кораблей у их с полсотни. С рассветом на пристань двинули... Ну, мы посад выжгли, в крепости затворились, отбили их покудова.

Святополк резко повернулся и застыл у окна, оцепенело стиснув пальцы.

– Что делать будем, боярин? – спросил, глядя на Яровита, и со вздохом добавил: – Покоя нет грешным! То встань, то чудины, то свеи теперича!

– Да, видно, крепкая брань нас ждёт, – раздумчиво промолвил Яровит. – Вот что, князь. Ты вели Магнусу дружину готовить. Всех, кого можно собрать, чтоб собрал. А мы с тобою – в город, на вече.

– Вече?! – удивлённо пожал плечами Святополк. – До него ли сейчас?

Яровит невольно улыбнулся.

– Привыкай, князь. Новгород – не Киев, не Волынь. Порядки тут не те. Читал ведь леготные грамоты. Без веча никакого дела не делается.

... Внизу гудела многолюдная толпа. Стоя на степени, Святополк сжимал бледные уста. И страшно было, и горько, и гнев накатывал. Что он, в конце концов, мальчишка какой-то – торчит тут перед чернью и перед боярами, выслушивает их речи, их упрёки, терпит их наглость?!

– Поцто, княже, не посторожил свеев?!

– Поцто дружину малую в Ладогe держишь?!

– С этакою силищею не совладать ладожанам?! – неслоь со всех сторон.

Только и видел Святополк разверстые рты и всклокоченные бороды. Шум, гам, драки уже кое-где вспыхивали.

Выручил – в который раз – посадник Яровит. Встал рядом с князем, поднял вверх десницу, промолвил веско:

– Не время спорить нам, мужи новгородские! Враг стоит под Ладогой в великой силе. Дружина княжеская уже готова. Если не поможете вы ладожанам и дружине – быть беде! Потому всякий, кто оружие в руках держать способен, пусть меч берёт, добрую кольчугу, копьё,

¹¹⁹ Бретьяница – кладовая.

¹²⁰ Комонный – конный.

¹²¹ Озеро Невское (озеро Нево) – Ладожское озеро.

щит. И ступает на ладьи под начало тысяцкого и сотских. Только всем миром, купно одолеем мы свеев!

Посадника, по всему видно было, в Новгороде уважали. Тотчас прошёл по толпе одобрителный гул. Споры и упрёки как-то вмиг, разом оборвались. Люди плотными рядами двинулись в сторону вымолов.

На дальнем краю площади, возле Ярославова дворища, молодая жёнка с задумчивым бледным лицом, в цветастом платье и в парчовом убрусе на голове, долго стояла у ограды. Она видела, как Яровит сошёл со степени, сказал что-то князю, сел на коня и рысью помчал к мосту. Была в посаднике какая-то завораживающая сила, словно был он неким волшбитом-чародеем, в словах его, в каждом движении сквозила убедительная спокойная мудрость.

Своего состояния Милана-Гликерия понять не могла. Вот хотела ведь наемни, упрятавшись, пустить в него стрелу – за Ратшу, за вдовство своё постылое! А теперь сомнения тяжкие обуревают Миланину душу, всё спрашивает она себя – верно ли умыслила?! Так и стояла, задумавшись, не зная, как быть, покуда не окликнул её знакомый купец:

– Гликерья! Що стоишь тут! Айда к вымолу!

И вот она уже примеряет крепкую дощатую бронь, надевает на голову островерхий шишак с кольчатой бармицею, вот восходит на качающуюся на воде ладью, и уже несёт её быстроходная птица-ладья, разрезая волны, вниз по мутному Волхову, и свежий вечерний ветерок перехватывает дыхание. Вокруг неё – воины-ополченцы, они посматривают на неё, кто с восхищением, кто с насмешкой, а она, сама не зная почему, всё выискивает глазами на соседних ладьях статную фигуру Яровита.

...Во вторую ночь конная дружина Святополка ударила на свейский лагерь под Ладогой. Бились при свете факелов, было плохо видно, холодный сабельный звон и суматошные крики застигнутых врасплох свеев раздирали гулкой ночной воздух. Рубились яро, в диком исступлении. Святополк, прежде чем под ним убили коня, успел съездить кого-то саблей по шелому, наотмашь, со всей силы. Раненный в плечо, он кубарем скатился вниз по склону холма, в густые заросли. Весь перепачканный грязью, обжигая ладони крапивой, князь тяжело поднялся и перехватил саблю в левую руку. На него налетел какой-то свейский кнехт¹²², они стиснули друг друга в смертельных объятиях и, чертыхаясь от жалящей боли, повалились обратно в крапиву. Кнехт ухватил Святополка за горло, князь, вырываясь, ударил его коленом в грудь; кнехт вскрикнул, отпрянул, и Святополк, вскочив на ноги, метнулся посторонь.

Рассвет он встретил в поросшей густым кустарником балке неподалёку от берега озера. Над водой подымались столбы пожарищ – горели длинные свейские драккары.

Издрав в кровь лицо, Святополк взобрался на холм. Тотчас к нему подлетел обрадованный комонный туровец-дружинник.

– Княже, с ног сбились, искали тя повсюду! Поранен?

– Да вот плечо разнылось. – Святополк устало сел на подведённого гриднем свежего коня.

Побили наши свеев. Сорок три ладьи потопили! – рассказывал с восторгом туровец. – Едва с десятков целыми ушли.

– Ну, слава Христу! – Князь со вздохом возвёл очи горе.

...Свеи были разбиты. Яровит, стоя на носу ладьи, долгим взглядом провожал скрывавшиеся в озёрной дали последние вражеские суда. Рядом дымили, догорая, останки королевского корабля с жёлтыми крестами на голубых парусах. Сам король Инге¹²³, как доложили Яровиту, бежал, но зато многие его знатные вельможи, ярлы¹²⁴ и рыцари, оказались захвачены в

¹²² Кнехт – пехотинец.

¹²³ Инге Стенкельссон (ум. ок. 1110) – король Швеции.

¹²⁴ Ярл – в Скандинавии владетель области, знатный человек.

плен. Вообще, трофеи достались новгородцам богатые. Обрадованный боярин Славята, весь чёрный от копоти, потрясая мечом, кричал:

– Що, сведали, воры свейские! Поцуюли силушку нашу!

Примчал с рукой на перевязи Святополк. Этого волновало иное: серебряные свейские артуги¹²⁵. Но ждало скупого корыстолюбца горькое разочарование: добыча была не его, а Новгорода. Только оговорённую рядом часть серебра мог он взять для своей дружины.

– Ницего, княже, – успокаивал его Славята. – Вот воротим в Новый город, я те таких девок приведу – ну слаще мёда!

Он лукаво подмигивал, и Святополк, глядя на его довольное лицо, превозмогал досаду и криво усмехался.

...С Миланой Яровит столкнулся у вымола. Сняв с головы шишак с подшлемником из волчьей шерсти, женщина поправляла растрёпанные льняные волосы. Посадник оторопел от изумления и неожиданности. Сердце его вдруг забилося какими-то неровными бешеными толчками.

– Милана?!

Молодица обернулась, встретилась с ним взглядом, вскрикнула, метнулась прочь. Яровит, супясь, со странным предчувствием на душе смотрел ей вслед.

¹²⁵ Артуг – старинная шведская серебряная монета.

Глава 21. Мрачные думы

Скрипя зубами от тупой ноющей боли в раненом плече, Святополк полусидел-полулежал на пуховой постели. Смеркалось. Князь уныло взглядывал в оконце, замечая, как меркнет солнечный свет. Тихо скрипели под порывами ветра хрупкие стволы тонких осин в саду, где-то вдалеке громко перекликались на своём языке стражи-англы.

Морщась, Святополк опустил ноги на холодный деревянный пол, нехотя поднялся, позвал слугу, велел зажечь свечу на ставнике. Маленькими глотками, осторожно пил из деревянной кружки ароматный медовый квас.

После сел обратно на постель. Вдыхал, крестился, шептал молитву, глядя на иконный лик Спасителя.

Взяв костяной гребень, долго расчёсывал длинную узкую бороду. Снова прислушался: тишина на Городище, один ветер свистит за ставнями да Волхов непокорно шумит внизу, роняет буйные волны на крутой берег.

Мысли в голове у молодого князя текли невесёлые, он вспоминал прежнюю свою жизнь, беззаботное отрочество в златоверхом Киеве, затем бегство и скитание по чужбине, наконец, гибель отца, надолго, если не навсегда, оторвавшую его от стольного города, от мечтаний о великом, о золоте и власти.

Раньше, когда мыкался он по кривым узким улочкам германских и италийских городов, где конь проваливался по брюхо в грязь, когда жил он в мрачных, пронизанных холодом покоях каменных замков, то думал об одном – воротиться бы на Русь, хоть как, хоть кем. Лишь бы не видеть больше эти опостылевшие серые стены крепостей, эти пустыри и болота вокруг городов, этих краснорожих баронов и графов, грубых, диких, немых, громко чавкающих за столом и так же громко храпящих на соломе!

Позже, когда очутился в Новгороде, рядом с умным деятельным Яровитом, первое время радовался: созерцал широкие чистые дощатые улицы, деревянные кряжи с выдолбленными желобами, по которым отводится весной талая вода от Ярославова дворища, разноцветье одежд, серебро, богатство. Вот только если бы не проклятые эти леготные грамоты, не это вече, порой доводившее его до тихого бешенства, не эти наглые взгляды простолюдинов! Да кто он, в конце концов, князь или подручный какой?! Или холоп-тиун захудалый, дань собрать посланный в дальнее село?! Серебра – мало, власти – мало! Яровит говорит: лучше здесь, в Новгороде, чем в Киеве, где каждое лето – войны, набеги поганых, разоренья. Но что толку от его слов, если богатство настоящее проходит, как мука через решето, как вода сквозь пальцы. Надоел Святополку Новгород, надоело безвластие, надоело прозябание в Городище. Хотелось, чтоб не насмехались над ним, а слушались, боялись, чтоб не разевали рты в криках на вече, а лежали в ногах, отбивали земные поклоны. И чтоб по морю не купчишки вольные шастали на своих ладьях, а его, Святополковы, люди хаживали с товарами, чтоб в его скотницу текли ручьи звонкого серебра и пушнины.

Но куда денешься, куда уйдёшь отсюда?! Легко потерять то, что имеешь, обрести труднее. Это он познал на горьком своём опыте.

Ворочался Святополк на ложе, умащивал разнывшееся плечо, глядел в тёмный потолок, думал мрачную думу.

Чёрная зависть грызла его душу. Вот тридцать лет прожил он на белом свете, а что у него есть?! Почему у других князей, у того же Мономаха за спиной – громкие победы, слава, рядом красавица жена, а у него – тупое прозябание среди шумливых забияк-людинов да уродливая княгиня, ни на что не способная хромуша? Уж никак не думал Святополк, что долго усидит Владимир в Чернигове, а он, вишь, ужился там, умирил каким-то чудом Олеговых прихлебателей и доброхотов, одних перетянул на свою сторону, других пригнул к земле. Сейчас, верно,

живёт себе припеваючи в тереме на горе, собирает дани с обширных богатых волостей, снаряжает купцов в восходные и полуденные страны. Хозяином стал Мономах, а он, Святополк, словно наймит какой-то, призванный сторожить и беречь чужое добро. Хорошо Мономаху! Что там половцы поганые: раз пугнул их, и разлетелись по степи, одна пыль столбом! Да и, знает Святополк, многие колена половецкие союзы и мирны Владимиру и его отцу. Вон как недавно хан Осулук убил крамольника Романа! Да, вошёл Мономах в силу, тогда как он, Святополк, торчит тут в медвежьем углу, посреди наглых купчишек-новгородцев, клянёт судьбину и скрипит зубами от досады и боли.

Яровит старается ободрить, успокоить – спасибо ему! Может, он и прав, будущее Руси – здесь, на севере, вдали от степей, за лесами и болотами, но настоящее – там, на южной окраине, где цветущие богатые города, полноводные тёплые реки, где солнце, где обильные ролы, торговые пути и золото... золото!

Вожделенно сверкают глаза, дрожат пальцы, скрежещут зубы! Бог с ним, с будущим! Он хочет туда, в Киев, хочет иметь власть вышнюю, хочет богатства! Случайно ли двести лет назад князь Олег Вещий ушёл покорять Киев из Новгорода, а после, когда овладел землёй полян, сделал именно Киев стольным городом, первым во всей необъятной Руси. Или как без малого полторы сотни лет спустя то же створил дед его, князь Ярослав Мудрый, которого Святополк не помнит, но который, как рассказывали Яровит и мать Гертруда, очень любил сажать его, тогда трёхлетнего мальчика, себе на старческие колени и гладить морщинистой жилистой рукою по чёрным прямым волосам. Рука эта морщинистая была крепка и многих умела держать в повиновении. А уж сколько богатства скопилось в Киеве при Ярославе – тут и говорить нечего!

Святополк снова тяжело вздохнул, налил в кружку из куманца квас, стал пить, медленно, смакуя во рту.

Как стать ему сильным, великим, богатым?! Как обрести ратную славу, как повернуть лицом к себе капризную ветреную удачу?! Больше молиться? Да, он будет взывать в молитвах к Богу, будет молить о помощи. Но нужно ещё, ещё иное. Нужны люди, могущие и желающие помочь. Кто они? Да те, которые недовольны нынешним киевским князем, которые при отце сидели в первых рядах в Боярской думе, а ныне отодвинуты посторонь новыми людьми – пришлыми переяславцами, смолянами, ростовцами. Такие, как Ян и Путята Вышатичи или дядька Перенит. И ещё есть одна сила, на которую он должен, обязан будет опереться, если хочет вырваться из тисков чужой воли, – иудеи, люди с широкими связями на Западе. Случайно, что ли, водит с ним дружбу Иванко Захариич Козарин, или этот тихоня Исраэл шепчет всё время на ухо разные секреты хромуше-княгине, которая потом добросовестно передает услышанное ему, Святополку, не разумея бабьим своим умишком всю важность и необходимость сказанных слов.

Вот брат, Пётр-Ярополк, всё надеется, сидя на Вольни, на ляхов и на немцев, на римского папу. Но какова помощь папы? Во-первых, одни слова, во-вторых, русские люди не любят латинян. Ибо творили эти самые латиняне испокон веку одни пакости, жгли, разоряли славянские земли паче поганых степняков. Нет, он, Святополк, уяснил себе раз и навсегда: латиняне – это чужой, враждебный Руси мир. Франки, фрязины, арагонцы, немцы, свеи, нурманы – всё это, по сути, единое целое, а Русь – совсем другое, здесь иная вера, иная культура, иные нравы и обычаи. Всё там, на Западе, – чужое, порой непонятное, странное, отталкивающее. Кому, как не ему, Святополку, своими глазами видевшему Рим и Флоренцию, Майнц и Кведлинбург, знать и понимать это! Брат Пётр неразумен, он резок, дерзок, порывист, он рубит сплеча, он не слушает голоса разума, он во всём подчинён матери, Гертруде, которая спит и видит привить на Руси латинство. А юная красавица Ирина только и мечтает о Вольнском королевстве, куда бы на пиры съезжались государи со всей Европы и где бы в её честь звучали высокопарные стихи и песни, а лучшие рыцари бились бы на ристалище, ловя каждый её благосклонный взгляд, как

груды золотых монет! Безмозглая дура! Они с матерью в конце концов и сами себя погубят, и Петра-Ярополка сведут в могилу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.